„БИБЛІОТЕКА ВСХОДОВЪ“ № 4.

К. Д. Минцлова.

ДАЛЕКІЙ КРАЙ.

Путешествіе по Урянхайской землѣ.

(ОКОНЧАНІЕ)

ПЕТРОГРАДЪ.
Безплатное приложеніе къ № 4 журнала „Всходы“ за 1915 г.

— А вотъ вы рѣку Терсикъ переѣзжать будете заговорилъ озабоченно старикъ, такъ ты смотри тамъ, Гаврила, поосмотрительнѣе, тамъ вчерась женщина утонула, больно вода высока была! Лошадь кое-какъ выбралась на отмель, а бабу нашли за нѣсколько верстъ мертвой, всю избитую и измолотую о камни.

— Такъ, можетъ, черезъ нее и сегодня ѣхать, нельзя? забезпокоились мы.

— Врядъ ли, рѣка-то вѣдь дурная: третьяго дня дождь въ горахъ, вишь, былъ, такъ она воды много несла, въ телѣгѣ вчера ѣхать никто не отважился, а сегодня вода може поубавилась, проѣдете!

Сильно не улыбалась намъ поѣздка на авось, да еще черезъ рѣку, снесшую наканунѣ лошадь съ телѣгой.

— Гаврила, обратилась я къ ямщику, а что если и сегодня вода высокая?

— Придется день, а то и два на берегу сидѣть, пока вода не сбавится, другой дороги на Знаменку нѣтъ!

Часъ-отъ-часу не легче!

Проѣхавъ верстъ пятнадцать, завидѣли Терсикъ. Бурно, гремя захваченными камнями, несся онъ у нашихъ ногъ, невольно поражая быстротой и силой своего теченія.

Жужелъ медленно и осторожно тыкался то здѣсь, то тамъ на конѣ въ воду, ища брода. Привычный бѣлый конь его громко храпѣлъ и неохотно шелъ, то и дѣло чуть не опрокидываемый теченіемъ.

Гаврила отпрягъ пристяжную, сѣлъ на нее и занялся помогать въ поискахъ Жужелу.

— Здѣсь можно проѣхать! раздался наконецъ голосъ сойота, и онъ вынырнулъ изъ-за кустовъ, покрывавшихъ противоположный берегъ.

— Бѣги (поѣзжай) сюда, показывай дорогу, отвѣтилъ Гаврила.

Едва передвигаясь, приближался Жужелъ, сосредоточенно глядя въ воду и, подъѣхавъ къ намъ, повернулъ обратно.

Пристегнувъ пристяжную опять, Гаврила взобрался снова на козлы, и мы загремѣли колесами по каменистому дну. Вода мѣстами была по брюхо конямъ, и коробокъ замѣтно подавался подъ ея напоромъ.

Переправа, длившаяся минутъ десять, показалась цѣлой вѣчностью не только намъ, но, вѣроятно, и лошадямъ; чуя опасность, онѣ храпѣли, съ безпокойствомъ прядали ушами и наконецъ весело подхватили, вытащивъ экипажъ на берегъ.

Быстро, минуя множество русскихъ поселковъ, раскинувшихся по берегу Малаго Енисея, доѣхали мы до деревни Знаменки; черезъ два дня подошелъ плотъ, и мы отправились къ нему, чтобы ѣхать въ Бѣлоцарскъ.

Поминутно спотыкаясь о кожи, оленьи рога и кадки съ масломъ, проваливаясь то одной, то другой ногой въ пазы между не плотно пригнанныхъ бревенъ, мы добрались до шалаша, предназначавшагося для насъ и сложеннаго изъ зеленыхъ вѣтокъ. Шла погрузка все новыхъ и новыхъ товаровъ. Много было «сѣры» (кедровой смолы, которую мѣстные жители

жуютъ не переставая); говорятъ, будто это одно изъ средствъ, предохраняющихъ отъ цынги.

Плотъ нашъ отчалилъ и лавировалъ между безчисленными мелями залива Енисея, въ которомъ стоялъ.

Выбравшись на фарватеръ, плотовщики сняли шапки и набожно перекрестились.

Я лежала въ шалашѣ, любуясь раскинувшимся передъ глазами широкимъ воднымъ пространствомъ; плоскіе сначала берега мало-по-малу смѣнились небольшими, затѣмъ болѣе повышавшимися горами. Ясный, обѣщавшій быть теплымъ, день, сталъ понемногу портиться; рѣзкій вѣтеръ скоро перешелъ въ бурю съ мелкимъ холоднымъ дождемъ и непріятно пронизывалъ насквозь. Плотовщики внимательно, съ безпокойствомъ вглядывались въ поверхность рѣки; плотъ то и дѣло чиркалъ бревнами о камни, пугая безпокойно прявшихъ ушами, привязанныхъ позади нашего шалаша коней. Наконецъ рѣшено было остановиться и переждать непогоду у берега.

Вечерѣло. Буря слегка поутихла; разбушевавшійся Енисей начиналъ успокаиваться, и нетерпѣливые мужики отчалили снова. Плотъ, подхваченный теченіемъ, быстро понесся, пробѣжалъ благополучно одну-двѣ версты, слегка чиркнулъ о камни, весь сильно содрогнулся и врѣзался въ мель всей своей тяжестью. Лошади заржали и завозились, плотовщики подняли крикъ и забѣгали, тыкали шестами въ воду и мрачно чесали затылки.

— Дивно сѣли! до большой воды не сняться! замѣтилъ ѣхавшій съ нами урядникъ.

Малый Енисей, широкій и многоводный весною, сильно пересыхаетъ къ серединѣ лѣта: тамъ, гдѣ весной проходятъ тяжелые плоты, нерѣдко остается къ концу іюня сухая галька, и плоты, засѣвшіе почему-либо, ждутъ дождей, повышающихъ уровень рѣки.

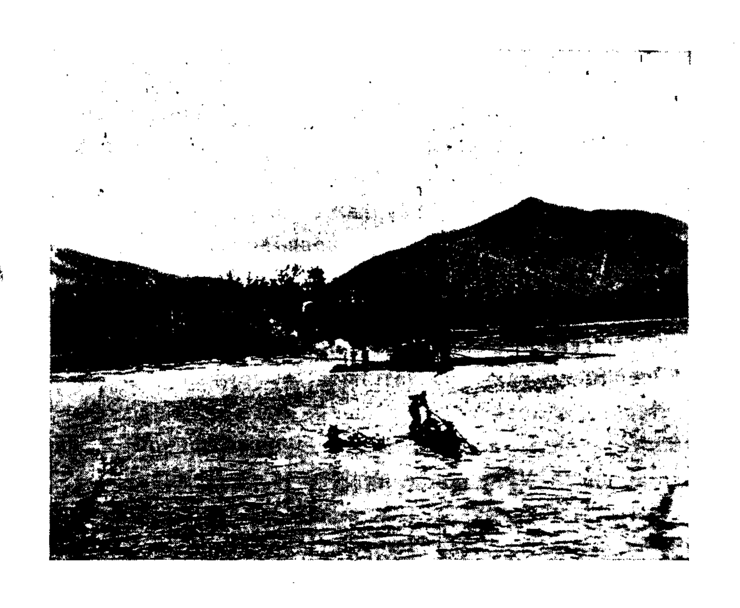
Лодки на плоту не оказалось, и положеніе наше было безвыходно: сиди и жди, пока не пройдетъ другой плотъ; онъ могъ пройти завтра, но и послѣ завтра и черезъ недѣлю.

Потолковали мужики и одинъ изъ нихъ вызвался переплыть на лошади на правый берегъ Енисея, гдѣ, по его расчетамъ, версты на три ниже должна была находиться деревня Ѳедоровка; тамъ можно было достать лодку и вызвать людей для снятія плота съ мели.

Сѣвъ верхомъ, отважный малый долго кричалъ и погонялъ коня, стараясь заставить его войти въ воду: плотовщики, видя тщетность его усилій, столкнули бѣдное, упиравшееся животное, и оно поплыло къ берегу, храбро разсѣкая грудью быстрое теченіе.

Мы ждали часа три, успѣли закусить, напиться чаю и порядкомъ выспаться, когда наконецъ показалась вдали кляча, везущая долбленку; ее сопровождало два крестьянина, помогшихъ намъ переѣхать на берегъ и перевезти вещи. Пришлось долго ждать, пока переправятъ всѣхъ на берегъ, затѣмъ мы съ большимъ трудомъ втиснулись съ вещами въ довольно тѣсную долбленку и поплыли въ Ѳедоровку. Плыли долго, любуясь на проворно бѣгавшихъ по берегамъ куличковъ и спугнувъ раза два большіе выводки утокъ;

наконецъ причалили къ деревнѣ; цѣлая толпа мальчишекъ высыпала на берегъ и помогла намъ добраться со всѣмъ нашимъ багажомъ до земской квартиры, гдѣ мы должны были провести пренепріятную ночь, съѣдаемые мухами и клопами.

Плотъ на мели. Переправа на берегъ.

Только къ тремъ часамъ слѣдующаго дня удалось снять плотъ, и снова мы поплыли къ Бѣлоцарску.

Ожиданія плотовщиковъ, разсчитывавшихъ въ этотъ день доставить насъ на мѣсто, не оправдались, и намъ пришлось заночевать въ пяти верстахъ отъ указаннаго мѣста.

Измученная всѣми способами существующаго на землѣ передвиженія, я мрачно приблизилась къ разведенному на берегу костру и стала варить кашу на ужинъ.

Кругомъ царила ничѣмъ ненарушимая тишина; небо усѣялось безчисленными, ярко мерцавшими звѣздами, а млечный путь съ конца въ конецъ прорѣзалъ темное, почти черное небо. Красавица-луна тихо выплывала изъ-за горъ, неясно обрисовывая силуэты спущенныхъ съ плота и пасущихся невдалекѣ коней; они изрѣдка фыркали и, поднявъ головы, смотрѣли куда-то вдаль.

Запоздавшая пара журавлей перекликнулась въ небѣ, и нарушенная тишина водворилась снова.

Полюбовавшись ночью, я вошла въ шалашъ, растянулась на мягкихъ козьихъ шкурахъ и проспала до утра, когда плотъ нашъ присталъ къ Бѣлоцарску, а ѣхавшіе мужики засуетились, выгружая товаръ.

Предстояло нѣсколько дней отдыха; надо было набраться силъ для поѣздки по центральной и западной части Урянхая, а затѣмъ и по Кемчику.

Мы остановились, какъ и раньше, въ священной сойотской рощѣ; наша палатка ждала насъ.

Такъ пріятно было сознаніе, что есть возможность нѣсколько дней посидѣть спокойно, никуда не собираться, никуда не торопиться, не трястись ни верхомъ ни въ экипажѣ!

Мы оба съ мужемъ отсыпались: безпокойныя и безсонныя ночи на земскихъ квартирахъ съ обиліемъ мухъ и клоповъ, съ почти вездѣ неизбѣжнымъ ревомъ ребятъ, давали себя чувствовать, и мы, проспавъ великолѣпно ночь, ложились не рѣдко на часъ, на два днемъ.

Мужъ отдавалъ большую часть дня раскопкамъ кургановъ и своимъ запискамъ, а подъ вечеръ отправлялся вмѣстѣ со студентомъ-медикомъ Колесниковымъ, временно взявшимъ здѣсь со своей женой-курсисткой фельдшерскія мѣста, охотиться по протокамъ Енисея; иногда съ ними отправлялся сынь техника Михайлова, гимназистъ лѣтъ семнадцати — Валя.

Дичи около Бѣлоцарска было уже немного, такъ какъ охотились всѣ, кому не лѣнь, но все же наши охотники рѣдко возвращались безъ добычи.

Валя во время охоты горячился и хотя, въ общемъ, стрѣлялъ не дурно, но въ птицу попадалъ рѣдко. Разстрѣлявъ всѣ свои патроны, онъ съ завистью смотрѣлъ, какъ стрѣляютъ другіе и, яростно потрясая обѣими поднятыми кверху руками, кричалъ пролетавшей отъ него на разстояніи выстрѣла птицѣ:

„Убью! сейчасъ убью!“

Надъ нимъ конечно потѣшались, а онъ уже мчался къ сѣвшей гдѣ-нибудь уткѣ и, споткнувшись, окунался въ болото головой и обѣими руками.

У меня много времени отнимала стряпня всякой снѣди. Устроиться въ этомъ отношеніи въ Бѣлоцарскѣ мало-мальски сносно было почти невозможно.

Единственная лавка, открытая здѣсь Габаевымъ, и приспособленная исключительно къ несложнымъ требованіямъ рабочихъ, сильно опустѣла и на всѣ разнообразныя требованія покупателей предлагала только муку, гречневую крупу и чай съ сахаромъ.

Ознакомленная нѣсколько съ такимъ положеніемъ вещей во время перваго нашего пребыванія въ Бѣло-

царскѣ, я къ счастію запаслась небольшимъ количествомъ яицъ, масла и рису въ попутныхъ деревняхъ, но положеніе оказалось болѣе плохимъ, чѣмъ я предполагала: провизія изсякла на третій-четвертый день нашего пребыванія въ новомъ городѣ.

Дѣло въ томъ, что окрестные купцы, предвидя сильную конкуренцію для себя, устроили стачку и не поставляли мяса въ Бѣлоцарскъ, въ надеждѣ, что сибирскій людъ, потребляющій его въ большомъ количествѣ, броситъ работы, ссылаясь на „плохіе харчи", и постройка ненавистнаго имъ города прекратится сама собою.

Ихъ ожиданія оправдались только частью, такъ какъ энергичная администрація успѣла предотвратить ихъ козни; бывали все же заминки въ своевременной доставкѣ мяса, и мы попали какъ разъ въ одну изъ нихъ. Приходилось изощрять изобрѣтательность, тѣмъ болѣе, что свѣжій воздухъ, которымъ мы пользовались круглые сутки, сильно возбуждалъ аппетитъ.

Молоко доставали съ трудомъ и платили за него по мѣстному невѣроятно высокую цѣну—тридцать копѣекъ за четверть. Если кто-либо изъ крестьянъ привозилъ сотню-другую яицъ, то продавалъ втрое дороже существующей въ тѣхъ мѣстахъ цѣны и, не смотря на это, яйца брались нарасхватъ.

Рядомъ съ нами, въ палаткѣ, помѣщалась чета Колесниковыхъ. Анна Владиміровна принимала дѣятельное участіе во всѣхъ кулинарныхъ хлопотахъ.

О разнообразіи стола нечего было и думать, такъ какъ готовилось все на кострѣ, и въ нашемъ распо-

ряженіи было только четыре ведерка, именуемыя здѣсь котлами; одно изъ нихъ было всегда занято чаемъ, который сибиряки пьютъ почти не переставая, а другое состояло въ полномъ распоряженіи Жужела. Зелени нельзя было достать рѣшительно никакой, и если проходящій мимо по Енисею плотъ привозилъ десятокъ-другой огурцовъ и немного луку, начинались энергичные поиски кваса и устраивалась превкусная окрошка.

Каждое утро Колесниковъ отправлялся на пріемъ больныхъ, и мы ждали съ нетерпѣніемъ его возвращенія, такъ какъ онъ былъ особенно энергиченъ и искусенъ въ поискахъ за съѣдобнымъ. Онъ же привозилъ намъ ежедневно свѣжій хлѣбъ, котораго у насъ выходило до двѣнадцати фунтовъ.

Вся эта возня начинала мнѣ надоѣдать, и мы подумывали о продолженіи нашей поѣздки, когда прибылъ наконецъ поджидаемый нами Габаевъ. Мы должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ по центральному Урянхаю, а затѣмъ на пріиски Иваницкаго, у котораго служилъ Порватовъ.

За день до нашего отъѣзда мѣстный купецъ Щербаковъ предложилъ намъ поѣхать осмотрѣть большую пещеру, расположенную въ двухъ верстахъ отъ его заимки высоко въ горахъ По его словамъ, пещера была громадныхъ размѣровъ, со множествомъ подраздѣленій, соединенныхъ между собой переходами; тутъ же валялись кости какихъ-то звѣрей, лежали древніе желѣзные предметы въ родѣ стрѣлъ и старинный мечъ громадныхъ размѣровъ.

Я съ радостью ухватилась за эту мысль, тѣмъ

болѣе, что собралась большая и веселая компанія; Колесниковъ ѣхалъ въ своей двухколескѣ, прозванной пользовавшейся ею публикой за ея необычайное неудобство „бѣдой“; съ нимъ помѣстился Габаевъ; мы ѣхали въ коробкѣ, въ ногахъ у меня примостился Валя. Лошади бѣжали дружно, а ямщикъ время отъ времени тыкалъ въ разныя стороны кнутомъ, посвящая насъ въ событія, происходившія въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ показалъ между прочимъ пустынную выгорѣлую площадку, гдѣ находилась нѣсколько лѣтъ назадъ большая торговая факторія китайцевъ, сожженная въ 1912 году урянхайцами послѣ отдѣленія Монголіи отъ Китая.

Надо замѣтить, что до настоящаго года съ Урянхаемъ у насъ шла полная неразбериха. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Урянхай былъ присоединенъ къ Россіи; частію благодаря его отдаленности, частію по русской безпечности и лѣни, китайцы постепенно внѣдрились въ него и обзавелись факторіями, быстро разраставшимися и богатѣвшими.

Они съ первыхъ шаговъ убѣдились въ богатствѣ кожами, пушниной, скотомъ и вообще разнымъ сырымъ матеріаломъ этого отдаленнаго края и открыли съ совершенно дикими сойотами мѣновую торговлю; китайцы поставляли имъ предметы первой необходимости и получали взамѣнъ соболей, драгоцѣнные рога мараловъ, быковъ и пр. по баснословно дешевой цѣнѣ.

Чтобы судить о ней, приведу цѣны, считавшіяся болѣе добросовѣстными: за пачку спичекъ они взимали теленка, либо овцу, и былъ случай, когда человѣкъ, взявшій четыреста пачекъ спичекъ и не

Винтъ (авва).

внесшій платы въ срокъ, отдалъ за нихъ столько же трехлѣтнихъ быковъ, такъ какъ купецъ считалъ, что телята за время просрочки платежа должны были превратиться въ трехлѣтнихъ животныхъ.

Въ тотъ годъ, когда Монголія отдѣлилась отъ Китая, Урянхай оказался отрѣзаннымъ отъ него и поневолѣ сталъ тяготѣть къ Монголіи.

Послѣдняя приказала ему очистить свою территорію отъ китайцевъ въ трехдневный срокъ. Немедленно началось разореніе китайскихъ факторій и грабежъ ихъ товаровъ, на мѣстѣ которыхъ остались теперь выгорѣвшія, черныя мѣста.

Господство монголовъ продолжалось не долго; какъ хищные коршуны налетѣли чиновники на дѣтски-наивныхъ сойотовъ и стали обирать ихъ не хуже китайцевъ. Вскорѣ между умнѣйшими сойотами зародилась мысль о необходимости такъ или иначе избавиться отъ такого положенія вещей. Во главѣ стало ихъ высшее духовное лицо, хамбо-лама, издавна тяготѣвшій къ Россіи.

Въ мартѣ 1914 года сойоты были приняты подъ покровительство послѣдней.

Дорога наша шла все время параллельно протокамъ Енисея, извилистые берега которыхъ образуютъ живописнѣйшіе острова, покрытые тополевымъ лѣсомъ.

Передъ нами, задравъ голову и тряся густою гривой, пронесся жеребецъ, предводитель цѣлаго косяка: молодежь неслась, заигрывая другъ съ другомъ, опустивъ умныя головки до земли, то и дѣло вскидывая задними ногами.

— Чей это табунъ? обратились мы къ ямщику.

— Черневича, а вонъ и его заимка виднѣется!

Мы съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Передъ нашими глазами длинною линіей тянулся заборъ; за нимъ въ отдаленіи виднѣлась маленькая хижинка безъ крыши.

Это и была резиденція золотопромышленника и мѣстнаго богача Черневича, такъ громко именовавшаяся имъ въ разговорѣ съ нами „домомъ въ моемъ имѣніи".

Переѣхавъ бродъ, мы очутились въ пріятной прохладѣ большой тополевой рощи. Колесниковъ съ Габаевымъ, бѣшено мчавшіеся впереди, скрылись за поворотомъ, куда скоро свернули и мы и съ недоумѣніемъ остановились: „бѣда" стояла пустая, а рядомъ съ нею, съ весьма сконфуженнымъ видомъ отряхивались отъ пыли ея сѣдоки.

— Что случилось? колесо опять соскочило? полюбопытствовали мы въ одинъ голосъ, весьма хорошо знакомые съ привычками „бѣды".

— Нѣтъ, такъ! отвѣчали нехотя оба сѣдока.

— Да они вывалились! усмѣхнулся ямщикъ, указывая на пень, стоявшій близъ дороги; экипажикъ-то больно валкій!

Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Весело подтрунивая надъ ними, всѣ поѣхали дальше и скоро очутились на берегу Енисея. Начались столь обычные здѣсь стрѣльба изъ револьверовъ и крики: „Лодку! подайте лодку"! пока не появился на томъ берегу поджидавшій насъ Щербаковъ и не переправилъ насъ на другой берегъ.

Лошадей рѣшили не переправлять, такъ какъ двѣ версты до пещеры свободно можно было пройти пѣшкомъ,

— Да кто вамъ сказалъ, что до той пещеры всего двѣ версты? неожиданно, когда мы уже оттолкнулись отъ берега, освѣдомился до тѣхъ поръ молчавшій ямщикъ; а по моему такъ всѣ десять будутъ!

Никто не обратилъ на него вниманія.

У Щербакова насъ уже ждали; душистый, великолѣпно зажаренный кусокъ баранины дымился на столѣ, тутъ же кипѣлъ самоваръ, а аппетитный запахъ свѣжаго печенья такъ и манилъ къ столу.

Пока хозяева хлопотали, а гости отдавали честь ихъ стряпнѣ, неугомонный Габаевъ вытащилъ откуда то полевой бинокль и усмотрѣлъ черезъ него пещеру, куда мы направляли путь.

Двѣ версты становились сомнительными, а пятидесятиградусная жара послѣ сытнаго завтрака мало способствовала желанію итти пѣшкомъ, хотя бы самое малое разстояніе. Послышались голоса:

— Господа, а не лучше ли переправить экипажи и ѣхать въ нихъ?

— Тамъ экипажемъ не проѣдешь, надо верхомъ! замѣтилъ Щербаковъ.

— Такъ давайте лошадей! безапеляціонно заявилъ Габаевъ.

Лошадей не оказалось; побѣжали по близстоящимъ юртамъ и часа черезъ два набрали нужное количество коней, осѣдланныхъ отвратительными сойотскими сѣдлами. Веревочныя подпруги еле держались, а стремена безъ пряжекъ, просто завязанныя узлами,

не удлинялись и немилосердно давили и натирали ноги.

— Ну, ничего, вѣдь двѣ версты всего! утѣшили мы другъ друга, сидя скорчившись въ три погибели благодаря короткимъ сойотскимъ стременамъ. (Сойоты ѣздятъ на очень короткихъ стременахъ; всѣ они низкорослы).

Проѣхали степь и въѣхали въ зажатую съ двухъ сторонъ горами долину, постепенно суживающуюся и превратившуюся наконецъ въ тѣсное живописное ущелье, вся середина котораго густо поросла крупной красной и черной смородиной.

Ѣхали съ добрый часъ; уткнулись въ конецъ ущелья, спугнули штукъ двадцать куропатокъ и вскарабкались на крутую гору; пещеры нѣтъ какъ нѣтъ.

— Что бы это значило? недоумѣвали мы, поглядывая по сторонамъ.

— Хороши двѣ версты! иронизировалъ кто-то сзади.

Проѣхали еще съ часъ и повернули влѣво въ другое ущелье.

— А вотъ тутъ надо сейчасъ съ коней слѣзать! авторитетно заявилъ проводникъ.

— Такъ проѣдемъ! запротестовала я.

— Нельзя, барыня, конь упасть и придавить можетъ. Прошлый годъ я казаковъ сюда велъ, такъ хорошо что коней въ поводу вели, одинъ конь сорвался, сѣдло поломалъ, да весь бокъ о камни себѣ содралъ развѣ можно по такому мѣсту на конѣ ѣхать! закончилъ онъ нравоучительно.

Продвинувшись на нѣсколько саженей выше, мы

наглядно убѣдились въ правотѣ его словъ: голые камни лѣпились другъ на другѣ, человѣкъ могъ взбираться только на четвереинькахъ; лошади карабкались какимъ-то чудомъ, то становясь на колѣни, то ежеминутно грозя сорваться, цѣплялись копытами за выдавшіеся камни.

Проѣхали и это ущелье и, свернувъ влѣво, полѣзли на крутую гору; проводникъ ѣхавшій, впереди, остановился на вершинѣ и соскочилъ съ коня.

— Пріѣхали! закричалъ слѣдовавшій за нимъ Габаевъ.

Мы не повѣрили, такъ какъ стояли на совершенно ровномъ мѣстѣ; ни о какой пещерѣ не могло быть и рѣчи.

— Тише, не провалитесь! Габаевъ схватилъ подъ уздцы мою лошадь, указывая на колодцеобразное, совершенно невидное издали отверстіе впереди меня.

— Вотъ туда спуститесь, да ползкомъ вправо возьмите, тамъ дивная пещера будетъ! объяснялъ проводникъ.

Мужъ обвязалъ себя веревкой и сталъ осторожно спускаться внизъ.

— Револьверъ приготовьте! кричалъ проводникъ; ненарокомъ звѣрь тамъ сидитъ!

Стали поочередно спускаться и мы.

Мужъ тѣмъ временемъ пролѣзъ внутрь и освѣтилъ пещеру магніемъ.

Взорамъ нашимъ представился довольно большой гротъ, мы тщательно изслѣдовали его по всѣмъ направленіямъ, но ни о какихъ переходахъ, старинныхъ вещахъ и мечахъ не было и рѣчи; нашли, правда, небольшое количество звѣриныхъ костей и

нижнюю человѣческую челюсть. Въ одномъ мѣстѣ просачивалась вода, кладя начало едва замѣтнымъ сталактитамъ.

— Вотъ такъ громадная пещера! ворчали мы разочарованно, садясь на коней, стоило изъ-за нея въ такую даль тащиться!

— Зато хорошо проѣхались! утѣшалъ мой, никогда не унывающій мужъ.

Назадъ поѣхали другимъ ущельемъ, чтобы избѣжать крутыхъ спусковъ, и долго подвигались густымъ, веселымъ лиственнымъ лѣсомъ, какъ ковромъ покрытымъ травою, доходившей лошадямъ до брюха.

Нѣсколько разъ навстрѣчу намъ попадались полуголые сойоты, усердно выкапывавшіе какіе-то коренья. Одинъ изъ нихъ былъ въ халатѣ и держалъ что-то въ полѣ его. На мой вопросъ онъ молча отогнулъ ее и показалъ массу вырытыхъ имъ молодыхъ луковицъ часто попадающейся здѣсь мелкой пестрой лиліи. Проводникъ разъяснилъ намъ, что сойоты охотно ѣдятъ эти сладкія луковицы.

Надо вообще замѣтить, что въ прилегающей къ Урянхаю Сибири и особенно въ горахъ послѣдняго растетъ много луковичныхъ растеній: дикій лукъ и чеснокъ попадаются здѣсь самаго разнообразнаго сорта и цвѣта; вкусъ ихъ ничѣмъ не отличается отъ нашего, и здѣшніе жители ѣдятъ ихъ въ большомъ количествѣ.

Габаевъ быстро несся впередъ, то и дѣло торопя насъ.

У Вали лошадь, вѣроятно куда-то ходившая въ этотъ день, „пристала“ и подвигалась впередъ съ тру-

Сойотскія свахи.

домъ; онъ то и дѣло отставалъ, а лошадь мужа, несшая на себѣ шесть съ половиной пудовъ, спотыкалась; я придерживала своего коня, рвавшагося впередъ и больно рѣзавшаго мнѣ руки поводьями.

Стали попадаться густые кусты крыжовника съ янтарнаго цвѣта ягодами.

Соблазнившись видомъ ихъ, я быстро соскочила и принялась ими лакомиться. Моему примѣру, къ величайшей досадѣ Габаева, послѣдовалъ Валя. Колесниковъ тоже не терялъ золотого времени и тщетно старался убить камнемъ то и дѣло летавшихъ мимо его носа куропатокъ.

Убѣдившись въ невозможности заставить насъ ѣхать впередъ, Габаевъ, подтрунивавшій было надъ способомъ охоты Колесникова, но увлеченный поминутно вылетавшими выводками дичи, принялся дѣятельно помогать ему тѣмъ же способомъ.

Все было напрасно: проворныя птицы то быстро бѣжали, мелькая между кустами караганника, то взлетали изъ-подъ самыхъ ногъ и снова опускались въ траву: всѣ онѣ благополучно избѣжали потока камней охотниковъ.

Къ Щербакову пріѣхали поздно и здѣсь только узнали, что онъ отправился съ прибывшимъ межевымъ чиновникомъ вслѣдъ за нами, прихвативъ нашего ямщика.

Рѣшили дождаться ихъ возвращенія и принялись за предложенный чай.

Прождавъ часъ, другой и видя, что намъ едва ли удастся засвѣтло вернуться, попросили сойотовъ пе-

ревезти насъ на тотъ берегъ къ лошадямъ; Валя вызвался быть нашимъ кучеромъ.

Тутъ только обратили вниманіе на болѣе, чѣмъ плачевное состояніе всей нашей упряжки: постромки пристяжныхъ были сдѣланы изъ гнилыхъ, едва державшихся, мѣстами уже связанныхъ узлами, веревокъ; вальки были привязаны къ сухой палкѣ, положенной на передокъ, коробокъ весь покосился и грозилъ развалиться при дальнѣйшемъ движеніи, но дѣлать нечего, мы сѣли въ него.

Валя вскочилъ на козлы, молодцовато крикнулъ и дернулъ вожжами. Лошади тронулись, въ ту же минуту раздался сильный трескъ, и что-то больно придавило мнѣ ноги: нашъ возница лежалъ опрокинутый навзничь къ намъ на колѣни и тщетно возился на сломанныхъ козлахъ, стараясь принять прежнее положеніе.

Мы помогли ему выкарабкаться и кое-какъ усѣсться; кони, предоставленные въ это время сами себѣ, взяли въ сторону и наѣхали на косогоръ. Отважный гимназистъ дернулъ вожжами и смѣло взялъ препятствіе, едва не вываливъ насъ. Не смущаясь ни мало, онъ подогналъ тройку, зацѣпилъ валькомъ за злополучный пень, такъ некстати очутившійся недавно на пути „бѣды", и оборвалъ тяжъ и постромку.

Мы остановились. Ѣхавшіе позади Колесниковъ и Габаевъ выскочили изъ экипажа и со смѣхомъ бѣжали къ намъ на помощь.

— Чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ! пробурчалъ мужъ.

Владиміръ Ивановичъ кое-какъ связалъ и скрѣ-

пилъ совершенно разваливающуюся сбрую и смѣнилъ Валю, такъ неудачно проявившаго свои кучерскія способности.

До Бѣлоцарска доѣхали благополучно въ совершенной уже темнотѣ.

Насъ встрѣтила взволнованная Анна Владиміровна. Увѣренная также какъ и мы, что до пещеры отъ Щербакова всего двѣ версты, она удивлялась нашему долгому отсутствію и, напуганная чьими-то разсказами о ядовитыхъ газахъ въ пещерѣ, собиралась оплакивать нашу преждевременную кончину, когда мы веселые и здоровые предстали передъ ней и съ волчьимъ аппетитомъ накинулись на приготовленный ею ужинъ.

Ѣздившій съ Щербаковымъ и вернувшійся много позднѣе насъ межевой чиновникъ, попалъ, оказывается, въ ту пещеру, о которой говорилъ купецъ, и разсказалъ намъ кое-что интересное объ ней.

Она громадна по своимъ размѣрамъ; въ ней много комнатъ и переходовъ; входъ въ нее выше подошвы горы, и къ нему ведетъ деревянная лѣстница, сдѣланная сойотами, считающими эту пещеру священною.

До конца ея изслѣдователямъ проникнуть не удалось, такъ какъ у нихъ не было ни магнія, ни свѣчей и они принуждены были освѣщать себѣ дорогу зажженной щепой, дававшей весьма скудный свѣтъ.

Меча въ ней они не нашли, но всѣ комнаты ея были увѣшаны разноцвѣтными полосками священныхъ сойотскихъ тряпочекъ; въ нихъ было много божковъ и стояли ящики со священными рукописями.

Тутъ же кто-то изъ мѣстныхъ жителей сообщилъ имъ, что въ этой пещерѣ подвергается годовому ис-

кусу лицо, избранное сойотами кандидатомъ на мѣсто первосвященника—хамбо-ламы.

Оно должно находиться въ пещерѣ безотлучно, преодолѣвая мистическій ужасъ, внушаемый ему тьмой и разсказами о подземныхъ духахъ. Только выдержавшій это испытаніе получаетъ званіе хамбо-ламы и попадаетъ въ ряды особо чтимыхъ сойотами лицъ.

Хорошо и весело жилось въ Бѣлоцарскѣ; жизнь среди природы успокоительно дѣйствовала на нервы, физическая усталость, безпрерывнаго двухъ-мѣсячнаго передвиженія, мало-по-малу исчезла, уступая мѣсто пріятному, здоровому самочувствію, и нечему удивляться, что я не особенно охотно собиралась въ дальнѣйшій путь.

Вечеромъ прибылъ плотъ, на которомъ мы должны были плыть въ Джакуль съ тѣмъ, чтобы тамъ пересѣсть на лошадей и углубиться въ западную часть Урянхая. Былъ заколотъ баранъ, купленъ большой каравай хлѣба, а рано утромъ мы были разбужены людьми, пришедшими взять нашу палатку, чтобы установить ее на „балаганѣ“ плота.

Подъ балаганомъ разумѣютъ здѣсь высокій помостъ изъ бревенъ, сооружаемый на плоту, для того, чтобы бурныя воды Енисея не захлестывали товары или людей.

Милѣйшая чета Колесниковыхъ проводила насъ до плота, явился Габаевъ, ѣхавшій съ нами до Джакуля, подошла и остальная русская интеллигенція Урянхая, и, напутствуемые разными благими пожеланіями, мы отчалили; плотъ дрогнулъ, отошелъ отъ берега и, попавъ въ струю, плавно понесся по теченію.

Мы сидѣли у входа въ палатку и любовались бѣжавшими намъ навстрѣчу берегами.

Погода была жаркая, огромный флагъ, прикрѣпленный къ высокому шесту, безжизненно висѣлъ и только чуть замѣтная прохлада, отдѣлявшаяся отъ воды, пріятно умѣряла жаръ. Мужики, работавшіе на

Паромъ подъ Бѣлоцарскомъ.

греблѣ, то и дѣло подходили къ кормѣ, бросались съ нея въ полномъ одѣяніи въ воду и, мокрые, возвращались къ работѣ. Едва успѣвала одежда на нихъ высохнуть, какъ они снова повторяли тотъ же маневръ, утверждая, что работать въ такомъ видѣ много прохладнѣе.

Лоцманъ сидѣлъ на балаганѣ и лѣниво покрикивалъ:

— Поносное *) вправо! корма налѣво!..

— Чай будете пить? спросилъ насъ Жужелъ, никогда не устававшій угощаться этимъ напиткомъ.

— Нѣтъ, Жуликъ! отвѣчалъ Габаевъ, давно переименовавшій его такимъ образомъ; лучше свари намъ супъ и приготовь хорошій шашлыкъ!

Нашъ добродушный переводчикъ, ничѣмъ рѣшительно не заслужившій нелестнаго прозвища, даннаго ему Габаевымъ, завозился около бараньей туши и костра и черезъ часъ подалъ намъ ведерко съ пріятно щекотавшимъ обоняніе и дымившимся супомъ.

Жара, возбуждавшая жажду, убивала всякій аппетитъ, но дѣлать было рѣшительно нечего и мы лѣниво похлебали деревянными ложками поднесенное намъ жирное варево. Шашлыкъ былъ приготовленъ мастерски, и ему мы отдали должную честь.

Догадливый сойотъ тѣмъ временемъ уже подставилъ мнѣ свою маленькую, не совсѣмъ опрятную ладошку, получилъ необходимое количество чая и притащилъ ведерко съ темно-желтою жидкостью.

Тщетно старалась я первое время нашего путешествія по Урянхаю отучить Жужела отъ скверной привычки кипятить чай; онъ до конца нашихъ разъѣздовъ остался вѣренъ своимъ сойотскимъ вкусамъ, что чай „не лядно“ (онъ вездѣ вмѣсто а употреблялъ букву я), если не прокипятить его». Въ концѣ концовъ мы оставили его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что чай, былъ очень вкусенъ, благодаря водѣ Енисея.

Пріятная истома разлилась послѣ обѣда по всѣмъ

*) Весло на носу плота.

членамъ, мужъ подремывалъ около палатки, мы съ Габаевымъ лѣниво перекинулись двумя-тремя словами и задремали тоже.

Спать было неудобно: лежать приходилось прямо на доскахъ и болѣли бока; мѣшокъ съ провизіей, подложенный мною подъ голову, то и дѣло выскальзывалъ и я ударялась головой о доски; отъ этихъ сюрпризовъ разболѣлись голова и шея. Габаевъ раза два пытался мнѣ что-то подложить подъ изголовье, но сладкая дремота тотчасъ смежала мнѣ вѣки и я ничего не соображала. Тяжелые кошмары душили меня; я видѣла; что мужъ оступился и летитъ въ рѣку, безпомощно размахивая руками. Я устремляюсь къ нему, но плотъ относитъ теченіемъ, и напрасны его усилія догнать насъ, будто я взываю о помощи и съ тяжелымъ чувствомъ, испуганно открываю глаза. Все покойно кругомъ, тихо плещетъ вода и слышится ровное дыханіе Габаева и похрапываніе мужа. Укладываюсь и тотчасъ засыпаю снова.

Вижу, что отогнулась пола палатки, и я во снѣ пододвинулась къ самому краю балагана—еще одно неловкое движеніе и я упаду въ рѣку. Голова кружится, хочу позвать мужа, но голосъ измѣняетъ мнѣ... страшно... дѣлаю громадное усиліе, чтобы крикнуть и—просыпаюсь.

Но что за странный шумъ кругомъ? солнышко скрылось, вода громко плещетъ, завываетъ вѣтеръ и то и дѣло раздается голосъ лоцмана:

— Греби, греби, ребята, не то въ протоку затащитъ!

Лоцманское достоинство его исчезло; онъ то и

дѣло подбѣгалъ къ поносной, и „билъ“ ею наравнѣ съ другими.

Опасная протока была совсѣмъ близко, и Габаевъ съ мужемъ побѣжали къ мужикамъ на помощь. Еще моментъ, и мы благополучно миновали ее.

Объясню теперь, почему гребцы такъ испугались протоки.

Енисей, сильно разливаясь весной, образуетъ громадные протоки; часть ихъ мелка, но настолько широка, что неопытный лоцманъ, принявъ какой-либо изъ нихъ за русло Енисея, можетъ ввести туда плотъ. Ввести таковой по теченію легко, но вывести его обратно невозможно, тѣмъ болѣе, что протоки часто пересѣкаются косой изъ наносной гальки, перетащить черезъ которую размокшій, отяжелѣвшій плотъ можно только при помощи большого количества лошадей. Если прибавить къ тому же, что селенія здѣсь почти отсутствуютъ, то боязнь „протоки“ станетъ понятною.

Но попасть въ нее можно не только по ошибкѣ лоцмановъ; въ нее можетъ загнать вѣтромъ, который на Енисеѣ часто поднимается внезапно.

Порывистый, сильный, онъ гонитъ громадные валы воды; Енисей бурлитъ и какъ щепы начинаетъ кидать застигнутые непогодой плоты. Спасительнымъ въ такихъ случаяхъ является немедленное причаливанье къ берегу и пережиданіе бури.

Сдѣлали это и мы.

Часа два простояли мы у зеленаго острова, защищенные отъ разгулявшагося вѣтра громадными тополями, покрывающими во многихъ мѣстахъ берега и всѣ острова Енисея.

Когда „погода“ стихла и можно было двинуться; долго искали лоцмана, заснувшаго гдѣ-то на островѣ и, кажется, съ намѣреніемъ не откликавшагося на наши вопли, чтобы дать время еще болѣе успокоиться рѣкѣ.

Наконецъ отчалили. Спрятавшееся солнце опять выглянуло и, склоняясь къ западу, привѣтливо золотило верхушки деревъ; умолкнувшія было птицы защебетали; громадный ястребъ поднялся и парилъ высоко въ воздухѣ; цѣлые выводки дикихъ утокъ и гусей подпускали насъ на разстояніе выстрѣла и затѣмъ бѣжали по водѣ въ разсыпную, удивляя насъ своимъ проворствомъ.

Солнце межъ тѣмъ сѣло, и съ наступленіемъ темноты рушились наши надежды на теплый и уютный ночлегъ въ д. Джакулѣ, куда лоцманъ еще утромъ обѣщалъ насъ доставить.

Нетерпѣливый Габаевъ велѣлъ итти въ темнотѣ, разсчитывая на луну, которая, полная и яркая, вставала изъ воды.

Мы вышли изъ палатки и молча созерцали природу, погрузившуюся въ сонъ. Легкій плескъ воды вокругъ плота пріятно ласкалъ ухо; свѣт ая полоса, освѣщенная луной, рѣзко отдѣлялась отъ остальной черной поверхности рѣки; лоцманъ, какъ бы боясь нарушить эту все охватившую тишину, тише чѣмъ днемъ отдавалъ распоряженія и молча указывалъ пальцемъ мѣста, гдѣ съ шумомъ всплескивала выскакивившая изъ воды большая рыба.

Разсудивъ, что причалъ къ Джакулю, до котораго было еще далеко, труденъ и что теченіе рѣки въ томъ

мѣстѣ, гдѣ мы находились, тихое, мы рѣшили приткнуться къ берегу.

Долго, въ темнотѣ, выбирали мѣсто и наконецъ бросили канатъ, который былъ пойманъ выскочившимъ на берегъ и всюду поспѣвавшимъ Жужеломъ. Закрѣпивъ его, мужики набрали дровъ и, разведя огонь, молча принялись готовить ужинъ.

Мы тоже закусили и долго возились въ палаткѣ при свѣтѣ захваченной нами свѣчи, устраиваясь на ночь.

Несмотря на то, что было холодно и сыро, и что одежды наши отсырѣли, мы, укрывшись одѣялами и бурками, спали хорошо. Я проснулась, когда солнце стояло уже высоко, а мужики кричали, отталкивая плотъ отъ берега; рѣзко чиркая о камни, онъ отошелъ отъ берега.

Габаевъ съ мужемъ уже не спали и сладко потягивались.

Наскоро одѣвшись и умывшись прямо съ плота, мы принялись за чай; настроеніе было приподнятое, веселое.

Въ Джакуль прибыли часамъ къ двѣнадцати и пошли на земскую квартиру, гдѣ Габаевъ съ мужемъ занялись дѣлами, а я отправилась по деревенскимъ лавочкамъ искать мѣховъ.

Урянхай изобилуетъ звѣрями; здѣсь водятся: соболя, горностаи, лисицы, рыси, выдры, бѣлки, россомахи, колонокъ, хорьки, медвѣди, волки, лоси, горные бараны, различнаго рода олени и много другихъ звѣрей. Большое количество пушнины везется отсюда ежегодно

Лѣсные урянки—оленеводы.

на Ирбитскую ярмарку, откуда она идетъ частью внутрь Россіи, частью за границу.

Желая пріобрѣсти мѣховъ, я въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ поселкѣ искала ихъ. Не могу сказать, чтобы мои поиски увѣнчались особымъ успѣхомъ: добыча пушнины идетъ главнымъ образомъ съ перваго октября и до апрѣля включительно. Въ это время звѣри носятъ свою зимнюю, густую и пушистую шубу, и только такой мѣхъ цѣнится высоко. Мѣхъ лѣтній почти никакой цѣны не имѣетъ—онъ холоденъ, не такъ красивъ и скоро выбивается.

Такъ какъ невыдѣланный мѣхъ долго лежать не можетъ, то съ открытіемъ навигаціи вся пушнина, собранная за зиму, грузится на плоты и отправляется въ Минусинскъ. Лѣтомъ можно найти только то, что случайно почему либо задержалось. И вотъ только такимъ образомъ мнѣ удалось добыть нѣсколько соболей, рысей, лисицъ, медвѣдей и волковъ.

Шкуры медвѣдей оказались, къ сожалѣнію, всѣ попорченными.

У сойотовъ существуетъ вѣра въ переселеніе душъ, и они убѣждены, что сдѣланное кѣмъ-либо зло отплатится ему сторицею по переходѣ души обиженнаго существа въ другую оболочку.

Убивъ медвѣдя, они срѣзаютъ ему носъ, выкалываютъ глаза, вырываютъ клыки и обрѣзаютъ когти въ надеждѣ, что лишенная обонянія и зрѣнія душа его не сможетъ найти своего врага, а если когда-либо случайно и столкнется съ нимъ, то не сможетъ причинить ему вреда.

Бѣлка въ Урянхаѣ бываетъ годами; старожилы го-

ворятъ, что когда бываетъ урожай на кедровые орѣхи, бѣлка появляется цѣлыми тучами. Она великолѣпно плаваетъ и бываютъ случаи, что эти веселые и хорошенькіе звѣрьки смѣло бросаются въ Енисей, чтобы переправиться на другую сторочу, Происходитъ это тогда, когда весь урожай орѣховъ униитожается ими по одну сторону рѣки и остается нетронутымъ по другую.

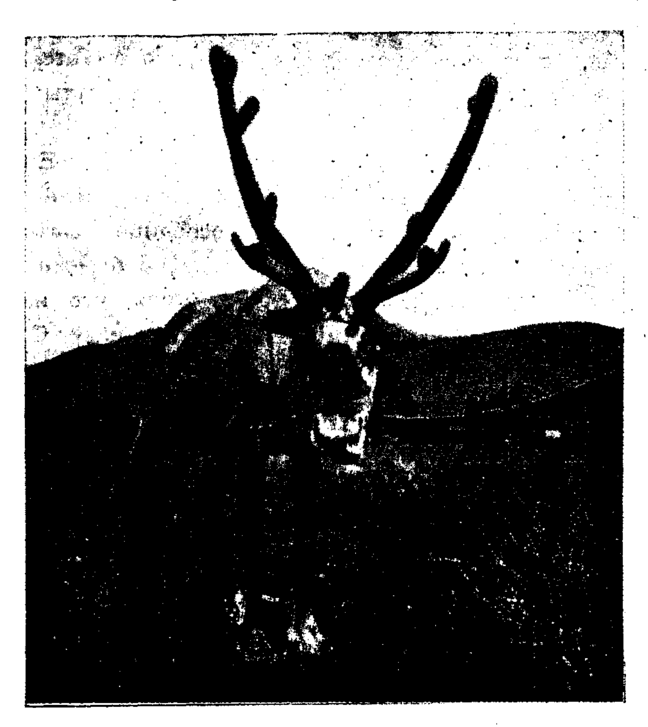
Бѣлка плыветъ въ такомъ количествѣ, что Енисей становится въ мѣстѣ ихъ переправы совершенно темнымъ. Бросаясь въ воду, бѣлка особенно тщательно заботится о своемъ хвостѣ и все время бережно держитъ его кверху. Объясняется это тѣмъ, что намокшій хвостъ тяжелѣетъ и тянетъ ее книзу. Старожилы говорятъ, что если бѣлка, плывя, намочила хвостъ,—тутъ ей и погибель—она не сможетъ уже выбраться изъ воды и идетъ ко дну.

Отъ сойотовъ мнѣ не удалось пріобрѣсти рѣшительно ничего: все это такая бѣднота, что большинство ихъ является неоплатными должниками русскихъ скупщиковъ, расплаты съ которыми они производятъ исключительно сырьемъ.

Отъ послѣднихъ они получаютъ дробь, порохъ, пистоны и предметы порвой необходимости: чай, сахаръ, далембу (особаго рода бумажная матерія). Цѣны за все русскіе берутъ совершенно произвольныя и, конечно, очень высокія. Такъ, напримѣръ, за бѣлку русскіе купцы даютъ сойоту десять пистоновъ цѣна же имъ въ Петроградѣ отъ двадцати пяти до сорока копеекъ за двѣсти пятьдесятъ штукъ. Выходитъ, что они пріобрѣтаютъ шкурку бѣлки приблизительно за одну ко-

пейку, тогда какъ цѣна на нее въ Урянхаѣ отъ тридцати пяти до шестидесяти копѣекъ.

Съ нашего пріѣзда на дворѣ земской квартиры шла какая-то суетня: приводили и уводили лошадей,

Таежный олень.

поправляли сѣдла, при чемъ собравшаяся, вѣчно праздная толпа сойотовъ взволнованно стрекотала, тыча пальцами по направленію нашего мѣстонахожденія; очевидно, пріѣздъ русскаго начальства ихъ сильно занималъ.

Длинный, худой сойотъ отдѣлился отъ толпы и, направившись къ избѣ, вошелъ въ нее. Постоявъ нѣкоторое время у притолоки, онъ сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и молча наблюдалъ за нами, затѣмъ принялся сначала тихо, потомъ все громче самъ съ собою разговаривать—онъ былъ сильно пьянъ.

Мы попросили хозяина квартиры выпроводить его; тотъ сказалъ ему что-то по-сойотски, но дикарь упрямо и отрицательно замоталъ головой. Крестьянинъ ухватилъ его тогда подъ мышки и поволокъ вонъ изъ избы. Тотъ оралъ и упирался; вытащенный имъ не ме менѣе на улицу, онъ при первой возможности возвращался снова. Сцена эта и его безпрестанные крики такъ надоѣли, что мы наконецъ попросили оставить его въ покоѣ.

Видъ у него былъ такой несчастный, что я громко пожалѣла его.

— Напрасно вы такъ говорите, барыня, замѣтилъ хозяинъ квартиры, отнеся мое замѣчаніе къ матеріальному благосостоянію сойота, онъ совсѣмъ не бѣдный— это одинъ изъ нашихъ мѣстныхъ богачей, у него громадные табуны лошадей; вотъ и на пріиски вы сейчасъ на его лошадяхъ поѣдете; онъ и въ избу-то лѣзетъ потому, что считаетъ, что оказываетъ вамъ одолженіе, а потому и имѣетъ право находиться въ одной горницѣ съ вами!

И этотъ „мѣстный богачъ" былъ одѣтъ много хуже нашихъ самыхъ захудалыхъ нищихъ; онъ съ наслажденіемъ взялъ протянутый ему мной кусокъ хлѣба и принялся чмокать и уписывать его.

Солнце палило жестоко, когда мы сѣли на верховыхъ лошадей, направляясь къ Порватовымъ.

Габаевъ летѣлъ, какъ и всегда, впереди и остановился на берегу Енисея.

Послѣ обычныхъ взываній о лодкѣ, появился бронзоваго цвѣта сойотъ, разсѣдлалъ при помощи Жужела нашихъ коней, сложилъ сѣдла въ лодку и пригласилъ насъ сѣсть на нихъ.

Съ силой борясь противъ быстраго теченія рѣки, сойотъ какимъ-то подобіемъ лопаты ловко правилъ утлымъ суденышкомъ, умѣло направляя его къ берегу; только жилы на лбу надувались, да потъ крупными каплями текъ по его тѣлу.

Высадивъ насъ, онъ вернулся за лошадьми и переправилъ ихъ вплавь.

Когда лошади быи снова засѣдланы, мы вскочили на нихъ и рысью направились въ горы.

Миновавъ двѣ-три юрты, мы въѣхали въ ущелье, поросшее лиственнымъ лѣсомъ; посрединѣ журчалъ небольшой ручей. Тропа, довольно широкая вначалѣ, постепенно сузилась, ѣхать приходилось гусемъ; палившая жара отбивала охоту разговаривать. Габаевъ, показывавшій намъ дорогу, подстегивалъ свою лошадку, говоря, что иначе мы не успѣемъ засвѣтло доѣхать до пріисковъ Иваницкаго и осмотрѣть интересную пещеру, лежавшую на нашемъ пути.

Безпрестанно переѣзжая съ одного берега ручья на другой, сгибаясь подъ низко раскинувшимися вѣтвями лиственницъ, мы взбирались на крутыя горы, такъ что вершины растущихъ внизу деревъ оставались

далеко подъ нами, и снова спускались на дно ущелья привѣтливо манившаго своей прохладой.

Проѣхавъ верстъ двѣнадцать, Габаевъ началъ внимательно посматривать наверхъ и наконецъ остановился. Чуть видное отверстіе было высоко надъ нами; змѣевидная тропа, пролегавшая среди большихъ, хаотически нагроможденныхъ камней, вела къ нему. Мы спѣшились и направились по ней.

Совершенно запыхавшіеся, красные какъ раки, мы взобрались на площадку, сдѣланную руками человѣка передъ входомъ въ пещеру. Отверстіе, ведшее въ нее, было грубо задѣлано деревянной стѣной; посреди нея имѣлась дверь, а по бокамъ два рѣшетчатыхъ оконца въ чисто китайскомъ стилѣ.

Необычайно низкая температура пещеры не позволила намъ, разгоряченнымъ верховой ѣздой и взбираньемъ на кручу, войти въ нее сразу; посидѣвъ довольно долго у входа, мы наконецъ переступили порогъ ея.

Въ ней царила темнота и мѣшала разсмотрѣть что-либо; немного погодя мы различили по правую руку отъ входа подобіе каменнаго ложа, на которомъ сидѣла фигура человѣка: голова его была закрыта пыльною тряпкой.

Мужъ сдернулъ ее, и непріятный холодокъ пробѣжалъ по тѣлу: на насъ смотрѣлъ дырами вмѣсто глазъ съ оскаленными зубами совершенно голый черепъ; на нѣсколько закинутой, совершенно изсохшей шеѣ его зіялъ громадный разрѣзъ; руки и ноги его были желты какъ темный воскъ, и обтягивавшая ихъ кожа рѣзко обозначала каждую кость и суставъ.

Что это за человѣкъ, русскій ли, китаецъ, сойотъ — рѣшить было трудно, но, говорятъ, что это спасавшійся здѣсь сойотскій святой, умершій уже много лѣтъ назадъ. Сойоты до сихъ поръ чтятъ его память и, заходя сюда, вѣшаютъ въ честь него свои тряпочки.

По лѣвую руку отъ входа можно было различить подобіе очага; ничего больше не говорило о проведенной здѣсь когда-то человѣческой жизни.

Ѣхать было еще далеко, и мы, добравшись до коней, погнали ихъ рысью.

Въ ущельѣ попадались юрты; сойотскія стада лѣпились кругомъ на откосахъ горъ; блеяли овцы и стоило одной изъ нихъ броситься въ сторону, какъ все стадо неудержимымъ потокомъ устремлялось туда же, пугая внезапно произведеннымъ шумомъ нашихъ лошадей. Не рѣдко подымалась изъ кустовъ умная, плутовская мордочка козы и долго провожала насъ глазами.

Погода начинала хмуриться; гдѣ-то далеко чуть слышно погромыхивалъ громъ.

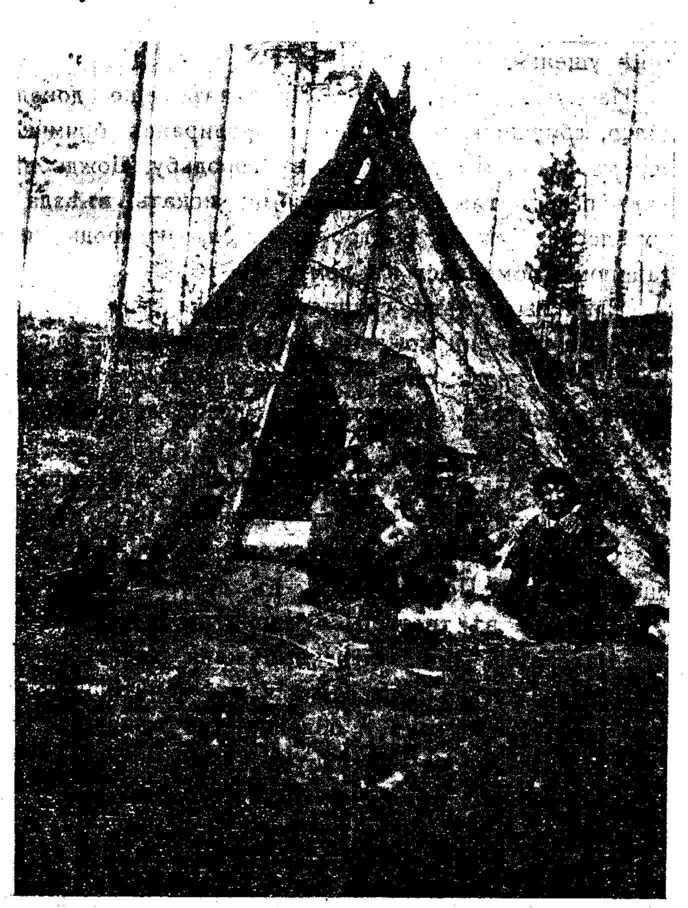
Мы выѣхали на золотоносную рѣку и, миновавъ нѣсколько шурфовъ, стали подыматься въ гору. Подъемъ былъ тяжелый и, несмотря на то, что привычныя лошади шли зигзагомъ, онѣ тяжело дышали. Надвигавшаяся черная туча, изрѣдка прорѣзаемая яркой молніей, сгущала наступавшія сумерки, усугубляемыя лѣсомъ; все заставляло насъ торопиться.

Наконецъ мы добрались до вершины горы, но Боже, какой крутой и длинный спускъ предстоялъ намъ!

Медленно и осторожно ступали кони; откинутые назадъ корпуса всадниковъ ясно свидѣтельствовали о

полномъ ихъ желанiи помочь животнымъ, а ужасная туча была почти надъ нами.

Оглушительные раскаты грома заставляли невольно

Сойотская юрта въ Сайнахъ.

вздрагивать; огни молній часто освѣщали окрестныя горы, давая возможность оріентироваться.

— А вонъ и домъ Порватовыхъ! сказалъ Габаевъ, показывая при новой вспышкѣ темную точку въ глубинѣ ущелья.

На душѣ повеселѣло. Проѣхавъ еще довольно долго, сбившись съ тропы и продираясь прямикомъ черезъ лѣсъ, мы уткнулись въ городьбу. Дождь начиналъ падать тяжелыми каплями; искать въѣзда не хотѣлось, Жужелъ быстро разобралъ изгородь, и мы галопомъ помчались къ дому.

Едва мы успѣли, стуча высокими сапогами, вбѣжать на ступени крыльца, какъ разразилась со страшной силой гроза: она потрясала домишко, заставляла стонать деревья кругомъ; окна дребезжали отъ ударовъ грома.

Мы съ блаженствомъ расправляли затекшія ноги и радовались теплу и уюту укрывшей насъ хибарки.

Она состояла изъ трехъ комнатъ: въ одной помѣщалась чета Порватовыхъ, въ другой практикантъ-студентъ, а въ третьей служащіе на пріискахъ.

Навстрѣчу къ намъ выбѣжали хозяева. Марія Ивановна успѣла превратиться въ мальчишку, обрѣзавъ волосы, и, какъ и большинство женщинъ, которымъ здѣсь много приходится ѣздить верхомъ, перерядившись въ мужской костюмъ. Отъ кокетливой петроградской дамы не осталось и слѣда.

Закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, хозяева принялись устраивать насъ на ночь; они раздѣлили занимаемую ими комнату простыней пополамъ и отдали намъ, къ

величайшему нашему конфузу, свои постели, сами же улеглись на полу на мѣховыхъ одѣялахъ.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, говорили они радушно.

Спалось хорошо, только утромъ принадлежавшій Маріи Ивановнѣ ручной заяцъ перебудилъ всѣхъ, поочередно вскакивая къ каждому на постель и разгуливая по физіономіямъ.

Габаевъ всталъ мрачный; онъ скверно спалъ ночь, разстеливъ на полу свою бурку и подложивъ подъ голову, за неимѣніемъ подушки, два полѣна..

Когда мы вышли на переднее крылечко, совершенно швейцарскій видъ раскинулся передъ нашими глазами. Въ котловинѣ, окруженной высочайшими горами, на небольшомъ холмѣ, у подножія котораго журчала золотосная рѣка, пріютился домикъ Иваницкаго, предназначенный для мѣстожительства его служащихъ. Солнце золотило верхушки горъ, покрытыхъ лѣсомъ, ярко зеленѣвшимъ послѣ ночной грозы. Вдали, по склонамъ, паслись громадныя стада; почти у нашихъ ногъ то и дѣло шмыгали тарабаганчики, за которыми зорко слѣдилъ рѣявшій въ высотѣ коршунъ.

Порватовъ, интересный человѣкъ, и большой говорунъ, разсказалъ намъ, что всѣ окрестлежащіе лѣса изобилуютъ всякимъ звѣремъ; стрѣлялъ онъ въ нихъ медвѣдей и волковъ, но чаще всего горныхъ барановъ и козъ, крики которыхъ слышны на крыльцѣ его дома.

Проведя шесть лѣтъ въ Урянхаѣ, онъ великолѣпно изучилъ горы, открылъ много мѣстонахожденій золо-

та и асбеста, подробно зналъ бытъ сойотовъ и охотно удовлетворялъ наше любопытство относительно обычаевъ и мелочей ихъ повседневной жизни.

Узнавъ, что мы никогда не видѣли шамана, онъ тотчасъ послалъ за нимъ верхового, обѣщая вечеромъ показать его.

Мое вниманіе было, межъ тѣмъ, привлечено какимъ-то металлическимъ стукомъ, безостановочно раздававшимся съ задняго крыльца. На мой вопросъ Марія Ивановна предложила мнѣ пойти посмотрѣть какъ толкутъ „пробу".

Три старыхъ, довольно безобразныхъ и грязныхъ сойота сидѣли на землѣ и разбивали въ желѣзныхъ ступахъ сложенный около нихъ кварцъ. Передъ ними стояли желѣзные ковши, въ которые они высыпали размельченные въ песокъ куски кварца. Марія Ивановна объяснила мнѣ, что песокъ промываютъ, осторожно сливая верхній слой до тѣхъ поръ, пока не останется на днѣ ковша чистое золото; его взвѣшиваютъ и, зная вѣсъ истолченнаго кварца, опредѣляютъ процентъ содержанія чистаго золота въ найденной золотоносной жилѣ.

Слово „золотоносная жила" стало мнѣ понятно только на другой день, когда мы всѣ поѣхали верхомъ на пріиски. На вершинѣ большой горы было прорѣзано множество глубокихъ канавъ, шириною въ полтора два аршина. Мѣстами близко къ поверхности, мѣстами очень глубоко залегалъ довольно толстый слой кварца, содержащій въ себѣ золото—это и была „жила".

Не говоря о трудности найти ее, необходимо еще опредѣлить направленіе, а такъ какъ оно бываетъ самое капризное и разнообразное, то перерываютъ гору, въ которой ее нашли, вдоль и поперекъ канавами.

День прошелъ незамѣтно, а съ наступленіемъ сумерекъ къ дому подъѣхалъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ, сойотъ въ бѣломъ кафтанѣ—это и былъ шаманъ.

Сначала его усадили ѣсть, при чемъ онъ раза два посылалъ за аракой (говорятъ, что всѣ шаманы обязательно много пьютъ передъ шаманьемъ), затѣмъ, спросивъ, гдѣ шаманить, онъ велѣлъ разложить большой и яркій костеръ, на которомъ Жужелъ принялся нагрѣвать его громадный темный бубенъ. Дѣлается это для того, чтобы высушить отсырѣвшую кожу, которая даетъ тогда нужный шаману тонъ.

Раза два онъ подходилъ и пробовалъ звукъ инструмента; наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣло, началъ облачаться: надѣлъ коричнево-грязную хламиду, съ подоломъ, увѣшаннымъ хвостами какихъ-то звѣрей вперемежку съ цвѣтными тряпочками; въ разныхъ мѣстахъ къ ней были пришиты желѣзныя и мѣдныя побрякушки; на шею онъ надѣлъ ожерелье изъ мелкихъ раковинъ, на голову—шапку съ торчащими въ разныя стороны громадными перьями коршуна. При малѣйшемъ движеніи перья колыхались, а побрякушки позванивали.

Передъ собой онъ велѣлъ повѣсить кусокъ бѣлаго коленкора и, повернувшись къ нему лицомъ, взялъ бубенъ изъ рукъ Жужела.

— О чемъ будетъ нойонъ шаманить? спросилъ онъ черезъ переводчика.

— Нойонъ ѣдетъ на Кемчикъ, отвѣтилъ Порватовъ и хочетъ знать благополучна ли будетъ его дорога?

Какъ-то странно звякнулъ бубенъ, и эхо отдалось въ горахъ. Начался безпрерывный гулъ бубна, и въ звукахъ его постепенно стало возможнымъ распознать мѣрный топотъ скачущей лошади.

— Послалъ! таинственно шепнулъ, подойдя къ намъ, Жужелъ.

— Кого и куда?

— На Кемчикъ къ шайтану!

— А кого же онъ послалъ?

— Да чертей! наивно отвѣтилъ переводчикъ.

Шаманъ между тѣмъ сѣлъ и принялся мѣрно раскачиваться. Онъ дѣлалъ это сначала тихо, потомъ все быстрѣй и быстрѣй, побрякушки на его спинѣ прыгали, перья на головѣ развѣвались, а самъ онъ бормоталъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ; постепенно, впадая въ экстазъ, онъ закричалъ по-звѣриному, зашипѣлъ, засвистѣлъ и заукалъ совой.

Мы встали и, подойдя къ нему, зажгли имѣвшуюся у насъ ленту магнія. Она сразу озарила его блѣдное, изможденное лицо; онъ сидѣлъ съ зажмуренными глазами и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ немъ.

Вдругъ онъ весь какъ-то съежился, содрогнулся, вскочилъ и, какъ раненый звѣрь, заметался во всѣ стороны. Со свистомъ выходило дыханіе изъ его груди и потъ катился ручьями. Измученный и усталый онъ что-то крикнулъ Жужелу, и тотъ, скрывшись на минуту, принесъ ему перочинный ножъ.

Шаманъ попробовалъ лезвіе его и нѣсколько разъ съ силой провелъ имъ по разнымъ направленіямъ своего высунутаго языка; алая кровь такъ и брызнула, и, набравъ ея полный ротъ, онъ сплюнулъ въ сторону.

Сдѣлавъ маленькую передышку, онъ вызвалъ изъ окружавшей его толпы шесть женщинъ и, поставивъ ихъ по три съ каждой своей стороны, велѣлъ имъ что-то кричать. Онѣ протяжно, въ унисонъ заорали во всю глотку, держась за полы его халата и раскачивая ихъ.

Шаманъ сѣлъ и что-то запѣлъ.

По разсказамъ туземцевъ, шаманы импровизируютъ свои пѣсни; я ниже привожу двѣ изъ нихъ въ русскомъ переводѣ.

И съ этой стороны горы,
И съ той стороны горы.
Живемъ мы здѣсь,
Но не знаетъ насъ никто,

Много здѣсь богатства,
И рѣка здѣсь богатая;
А мы бѣдные,
И богатыхъ не видно.

Я самъ себѣ пою,
Зачѣмъ мнѣ другіе?
Я одинъ,
Никого мнѣ не нужно.

Растутъ красивые цвѣты,
Колеблетъ ихъ головки тихій вѣтеръ,
Также красиво сверкаетъ головной уборъ нойона,
Когда онъ ѣдетъ по нашимъ мѣстамъ,

Много цвѣтовъ,
Много женщинъ,
И красота ихъ
Различная.

Шаманъ.

Ѣдутъ люди изъ другой страны
Становятся богатыми:
Всѣхъ кормитъ Кемчикъ;
А мы... мы бѣдные.

Я самъ себѣ пою,
Зачѣмъ мнѣ другіе?
Я одинъ,
Никого мнѣ не нужно..

И та сторона богатая,
И эта сторона богатая,
И я всегда сытъ.

На небѣ богъ
И на землѣ богъ,
Чего же мнѣ боя ься?

Днемъ солнце,
Ночью луна,
Всегда с тло.

Л и я въ юртѣ
И сь по степи,—
В огъ... Чего же мнѣ бояться?

Умолкнувъ, шаманъ долго сидѣлъ обезсиленный, наконецъ молча поманилъ къ себѣ переводчика пальцемъ и зашеп лъ ему что-то на ухо.

— Лядно, все будетъ лядно! перевелъ, подойдя къ намъ Жужелъ, нойонъ поѣдетъ на Кемчикъ, увидитъ тамъ большого человѣка и услышитъ хорошее слово отъ него!

Окружавшая шамана сойотская толпа, вначалѣ маленькая, постепенно росла и наконецъ большимъ полукругомъ растянулась около костра; ни страха, ни уваженія къ шаману не замѣчалось. Присутствующіе весело и громко болтали, не обращая на него вниманія.

Страннымъ казалось такое поведенiе толпы, такъ какъ сойоты вѣрятъ въ силу своихъ шамановъ. Они призываютъ ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ своей жизни и часто отдаютъ имъ послѣднее изъ своего скуднаго достатка.

Типы сойотовъ.

Какъ ни поэтична была черная теплая ночь, съ ярко обозначеннымъ млечнымъ путемъ и тихо мерцавшими звѣздами, какъ ни шутливо относились мы къ „колдуну", но жуткое чувство отъ всей обстановки осталось.

Какое же впечатлѣнiе долженъ онъ производить на своихъ дѣтски-наивныхъ собратьевъ? Опишу сценку,

свидѣтелемъ которой былъ одинъ изъ мѣстныхъ рус скихъ, заѣхавшій зимой переночевать въ сойотскую юрту.

Въ тѣсномъ, зажатомъ горами ущельѣ уединенно стояла засыпанная снѣгомъ юрта; посрединѣ горѣлъ костеръ, освѣщавшій лица кругомъ сидѣвшихъ сойотовъ; изрѣдка кто-либо изъ нихъ протягивалъ руку къ дровамъ и подкидывалъ въ огонь плашку; у задней стѣны юрты, на кучѣ тряпья въ жару и бреду металось больное дитя.

Мать со слезами на глазахъ стояла, наклонившись надъ нимъ.

Отецъ мрачно тянулъ араку; отъ времени до времени онъ выходилъ изъ юрты и прислушивался къ унылому завыванію вѣтра.

Ждали шамана. Замерзшій и запушенный снѣгомъ пріѣхалъ онъ, наконецъ, долго отогрѣвался, пилъ, ѣлъ, просушивалъ на кострѣ свой бубенъ и, надѣвъ свой фантастическій костюмъ, направился къ больному.

Жалобный, жуткій звукъ разнесся по юртѣ; ребенокъ вздрогнулъ, испуганно пріоткрылъ глаза и громко заплакалъ.

Мать бросилась къ нему; но шаманъ энергично отстранилъ ее рукой и смѣлѣе заигралъ на инструментѣ. Онъ гудѣлъ все съ возрастающей силой, наполнилъ громкимъ шумомъ всю юрту, а собравшіеся тѣмъ временемъ сойоты пили араку и не стѣсняясь разговаривали.

Отъ куренья клубы дыма стояли въ воздухѣ; отъ закипѣвшаго на кострѣ котла подымался остро-кислый запахъ...

Всю ночь продолжалась оргія: безпрерывно гудѣлъ бубенъ, слышались пьяные голоса и раздавались звѣроподобные крики и пѣсни шамана, а голосъ больного ребенка раздавался все рѣже и слабѣе.

Къ утру его не стало: безсильно боролась душа бѣднаго младенца со смертью, и жалкому шаману не суждено было спасти ее.

Нравственно разбитый уѣхалъ невольный свидѣтель всей этой жуткой сцены и до сихъ поръ не можетъ безъ содроганія вспомнить всей кошмарной обстановки той долгой зимней ночи.

Шаманство передается у сойотовъ изъ рода въ родъ: дѣдъ передаетъ отцу, отецъ сыну костюмъ и свои талисманы, но не всегда передается по наслѣдству даръ ясновидѣнія, иногда пріобрѣтаемый способностью приводить себя въ экстазъ, и потому много среди шамановъ шарлатановъ, но есть и такіе, къ которымъ обращаются даже русскіе за совѣтомъ и предсказаніями.

Намъ много разъ говорили о правильности шаманскихъ предсказаній; приведу одинъ изъ такихъ разсказовъ.

Ѣхалъ зажиточный русскій купецъ по степи, увидѣлъ юрту шамана и завернулъ погрѣться въ нее. Ѣхалъ онъ въ Минусинскъ и, коротая долгій осенній вечеръ, рѣшилъ подшутить надъ сойотомъ.

— Ѣду, говоритъ, въ большую деревню и хочу знать, что дѣлается дома у меня.

Долго шаманилъ колдунъ и наконецъ сказалъ:

— Послалъ я гонцовъ, и вотъ что они вернувшись повѣдали мнѣ:

Попали мы въ большую деревню, такой отродясь намъ видѣть не приходилось, и сѣли на крышу высокаго каменнаго дома. Посмотрѣли кругомъ и очи наши увидѣли печальное зрѣлище: крыльцо твоего дома, купецъ, обуглено, а въ домѣ плачъ и стонъ стоитъ, потому что старая женщина на столѣ подъ бѣлымъ покрываломъ лежитъ.

Посмѣялся купецъ и поѣхалъ дальше, а на душѣ у него неспокойно... Вернулся домой, видитъ, не совралъ шаманъ—отъ крыльца однѣ обгорѣлыя плахи остались: пожаръ былъ, да скоро затушить удалось; мать же его похоронили какъ разъ въ тотъ день, когда онъ гадалъ у шамана...

Тутъ же у Порватовыхъ мы впервые слышали хемеляровъ—особаго рода пѣвцовъ, продѣлывающихъ горломъ настоящіе фокусы: они берутъ не только самыя высокія, дискантовыя, но и самыя низкія, басовыя, ноты, и пѣсни ихъ, всегда заунывно звучащія, какъ-то особенно хватаютъ за душу среди поэтичной горной обстановки.

Габаевъ уѣхалъ на слѣдующій день, а мы, пробывъ еще сутки у Порватовыхъ и побывавъ съ ними на пріискахъ, къ вечеру третьяго дня вернулись въ Джакуль.

Долго въ темнотѣ искали мы земскую квартиру, и не будь нашего сойота, какъ кошка разбиравшагося въ темнотѣ, пришлось бы намъ заночевать въ степи.

На утро рѣшено было выѣхать чуть-свѣтъ на рѣку Джеданъ, но заказанныя лошади опоздали, и подали ихъ только въ девятомъ часу.

Ямщикъ какъ-то странно просилъ не подходить къ лошадямъ и торопилъ садиться. Едва мы успѣли

Храмъ памаитовъ на Джеланѣ.

ввалиться въ коробокъ, какъ коренная подхватила и, благополучно выскочивъ въ ворота, принялась крутиться. Экипажъ накренялся то въ одну, то въ дру-

гую сторону, ежеминутно грозя опрокинуться; мы выскочили; мужъ приказалъ ямщику проѣхать лошадей.

Онъ погналъ ихъ и, справившись съ непокорнымъ коренникомъ, скрылся за поворотомъ. Когда лошади вернулись, онѣ были въ мылѣ.

Мы сѣли благополучно и проѣхали версты двѣ, какъ вдругъ коренному опять пришла фантазія крутиться.

На этотъ разъ ямщикъ наотрѣзъ отказался везти насъ. Онъ выпрягъ лошадей и, оставивъ насъ посреди степи съ экипажемъ и багажомъ, уѣхалъ въ деревню, обѣщая привести болѣе покорныхъ коней.

Жара палила немилосердно, и мы, бросивъ бурки на землю, расположились въ тѣни подъ экипажемъ.

Ждать пришлось долго, и солнце подходило къ зениту, когда мы двинулись наконецъ дальше.

Нашему огорченію не было границъ, когда ямщикъ сообщилъ, что до Джедана намъ въ этотъ день не добраться, и что рѣка, гдѣ можно будетъ выкупаться, встрѣтится только около факторіи Бякова, отстоявшей еще за восемьдесятъ верстъ отъ насъ.

Совершенно голая выжженная степь, только кое-гдѣ зеленѣвшая дикимъ лукомъ, была полна дичи. Дрофы стадами по десятку и болѣе важно прохаживались и опасливо поглядывали на насъ, готовыя при первомъ подозрительномъ движеніи сняться и летѣть. На разстояніе выстрѣла, и то сравнительно рѣдко, онѣ подпускаютъ близко всадника, пѣшеходу же только въ исключительныхъ случаяхъ удается приблизиться къ нимъ.

Мужъ наудачу, съ очень большого разстоянія, выстрѣлилъ по поднявшемуся стаду и подбилъ крыло громадной дрофѣ. Она рухнула на землю, но, увидя бѣгущаго человѣка, пустилась наутекъ; мужъ бѣжалъ за ней, и можетъ-быть долго продлилось бы это бѣговое состязаніе, если бы еще выстрѣлъ дробью не обезсилилъ птицу; видя, что ей не уйти, она разъяренно разставила крылья и сама пошла на охотника, готовая клювомъ и когтями защищать свою жизнь.

Третьимъ выстрѣломъ дрофа была убита, и мужъ торжественно притащилъ мнѣ великана, вѣсившаго около тридцати фунтовъ.

Отъѣхавъ шаговъ двѣсти, мужъ убилъ горную, весьма рѣдкой породы, куропатку. Я съ любопытствомъ разсматривала кофейнаго цвѣта изящную птицу.

Къ вечеру мужъ убилъ еще одну дрофу и нѣсколько обыкновенныхъ куропатокъ.

Я совершенно забыла сказать, что отъ самаго Джакуля мы ѣхали такъ называемой Чингизхановой дорогой, служившей когда то великимъ путемъ изъ Индіи въ Сибирь.

Приблизительно посреди степи идетъ насыпанная изъ мелкой гальки, ровная какъ полотно дорога; мѣстами она испорчена, и путь пролегаетъ рядомъ; у перевала къ рѣкѣ Кемчику она исчезаетъ, но остатки ея попадаются отдѣльными частями высоко надъ Енисеемъ; мужъ нѣсколько разъ обращалъ мое вниманіе на нихъ, когда мы возвращались на плоту изъ Урянхая въ Минусинскъ.

Наши бѣдные кони къ концу дня совершенно вы-

бились изъ силъ и, несмотря на безчеловѣчное стеганье ихъ кнутомъ, шли только шагомъ.

Мы измучились и нетерпѣливо поглядывали въ сильно стемнѣвшую даль.

Къ факторіи Бякова мы подъѣхали въ совершенной темнотѣ. Она представляла собой родъ маленькой крѣпости: изъ-за высокаго частокола виднѣлись только крыши избъ; ни калитки, ни воротъ нигдѣ не было замѣтно.

На поднятый за частоколомъ гомонъ собакъ отворилась маленькая дверь и высунулась чья-то голова, долго и внимательно насъ разсматривавшая. Сердитый окрикъ мужа заставилъ ее спрятаться, зато тотчасъ послышалась за частоколомъ возня и нѣсколько человѣкъ открыли намъ ворота.

Самого Бякова дома не оказалось; насъ принялъ его родственникъ, завѣдывавшій дѣлами въ его отсутствіе. На столѣ быстро появился кипящій самоваръ, около котораго ловко и проворно хлопотала молодая сойотка, одѣтая въ европейское платье.

Только у Бякова намъ удалось встрѣтить вымытыхъ и оцивилизованныхъ сойотокъ: одна занимала мѣсто стряпки, умѣла ставить хлѣбы и готовить несложные обѣды рабочимъ, другая прислуживала намъ за столомъ и дѣлала все толково, развѣ немногимъ хуже средней руки петроградской горничной. Стряпка хорошо говорила по-русски, тогда какъ горничная на это никакъ не могла отважиться, несмотря на то, что русская рѣчь ей была вполнѣ понятна.

На другой день къ полдню мы были на Джеданѣ.

Насъ встрѣтилъ студентъ-медикъ, Василій Ѳедо-

ровичъ Платоновъ, взявшій ради заработка мѣсто фельдшера въ Урянхаѣ и работавшій здѣсь въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ: на цѣлыя сотни верстъ кругомъ не было ни одного интеллигентнаго человѣка, почта доставлялась не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ; ему приходилось жить въ маленькомъ, состоявшемъ изъ пяти, шести избъ русскомъ поселкѣ, нанимая двѣ комнаты въ избѣ безъ крыши. Вся она протекала и во время, правда, рѣдкихъ въ Урянхаѣ, дождей представляла сплошное рѣшето, гдѣ едва можно было найти уголокъ безъ течи.

Больные толклись у него съ утра до ночи, и онъ по добротѣ своей никакъ не могъ втолковать имъ, что и самъ нуждается иногда въ отдыхѣ. Русскихъ больныхъ у него было мало, но зато вся окрестная „сойотня“, зараженная самыми ужасными болѣзнями, постоянно осаждала его.

Отъ него мы узнали, что на другой день въ близлежащемъ хуррэ будетъ торжественное моленіе, и рѣшили ѣхать туда. Василій Ѳедоровичъ посовѣтовалъ намъ ѣхать съ вечера и переночевать у Бякова, родственника того старика и старожила, въ факторіи котораго мы провели ночь.

Съ трудомъ добывъ лошадей, мы отправились и, отъѣхавъ версты двѣ, должны были укрыться отъ застигнувшаго насъ проливного дождя въ попавшейся намъ на пути хижинѣ новосела-казака. Затѣмъ долго, сначала шлепая по грязи, затѣмъ увязая въ пескѣ, тощія лошади тащили насъ до конечной цѣли нашего пути.

Бякова дома не оказалось, и его смуглая, веселая

жена съ трудомъ устроила насъ на ночь въ тѣсной комнатушкѣ (ихъ просторная и свѣтлая изба ремонтировалась), переселившись сама съ дѣтьми на ночь въ кладовую.

Всю ночь мухи и клопы не давали намъ покоя.

Василій Ѳедоровичъ, знакомый уже вѣроятно со всѣми достоинствами избы Бякова, избралъ благую часть, растянувшись во весь свой могучій ростъ на балконѣ дома на мѣховомъ одѣялѣ.

Въ семь часовъ утра выѣхали въ хуррэ, желая до начала торжества познакомиться съ хамбо-ламой.

Цѣлая толпа сойотскихъ ламъ окружила насъ у воротъ, за которыми стояла юрта хамбо-ламы, и нѣсколько человѣкъ бросилось извѣщать его о прибытіи гостей.

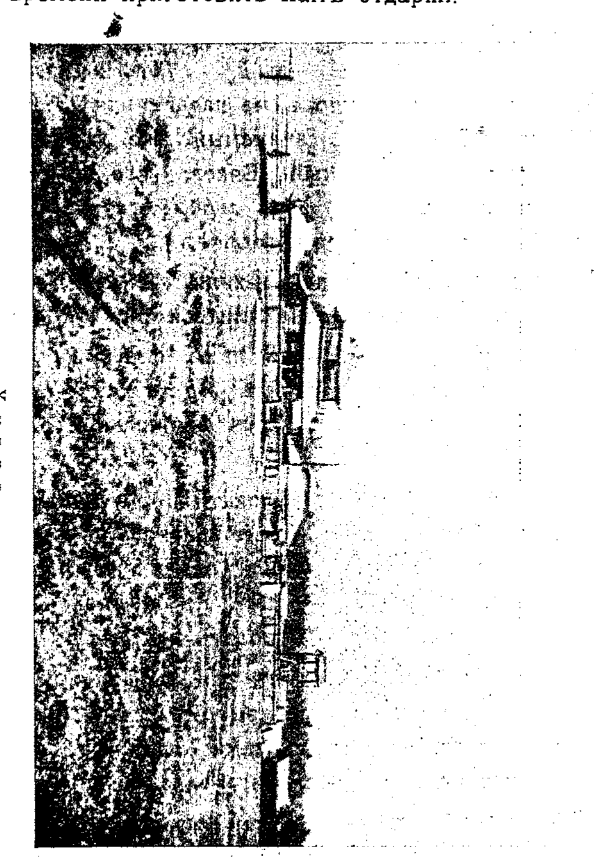
Высокій, нѣсколько сутуловатый, бритый какъ и всѣ ламы, худой старикъ въ темно-краснаго цвѣта халатѣ вышелъ, привѣтливо улыбаясь, намъ навстрѣчу, провелъ въ свою юрту и, усадивъ, по обыкновенію сойотовъ, на подушки, велѣлъ подать намъ чаю.

Коренастый лама досталъ три фарфоровыя чашки, тщательно вылизалъ ихъ языкомъ, наполнилъ ихъ чаемъ и поставилъ передъ нами; подали грязный сахаръ и весьма подозрительнаго вида печеніе.

Нечего и говорить, что къ чаю мы не прикоснулись, взяли только, чтобъ не обидѣть дикарей, по куску сахара и принялись его грызть.

Принявъ привезенные ему подарки и узнавъ, что мы хотѣли до торжества повидать еще Кемчикскаго нойона, хамбо-лама заторопилъ насъ ѣхать, настойчиво

прося вернуться къ началу торжества и объщая къ тому времени приготовить намъ отдарки.

Хурре.

Восточный обычай привозить при первомъ знакомствѣ подарки здѣсь въ полномъ ходу, при чемъ по правиламъ этикета получившій долженъ отдарить вещью, по крайней мѣрѣ вдвое больше стоющей.

Простые сойоты придерживаются этого обычая только со своимъ начальствомъ, хотя намъ нѣсколько разъ приходилось получать отъ сойотовъ подарки въ видѣ тонкаго ремня, за который принесшій его тотчасъ просилъ что-либо.

Обычай указывать, что именно желаешь получить въ видѣ отдарка, повидимому, не считается здѣсь предосудительнымъ; по крайней мѣрѣ Жужелъ, зная, что я ищу вездѣ пушнину, во время нашего визита къ сальджакскому нойону неоднократно шепталъ мнѣ въ ухо:

— Спроси, нѣтъ ли пушнина! и, по уходѣ отъ насъ нойона, сокрушенно закачалъ головой:

— Ну, что не просилъ пушнина, прислалъ бы отдарки! и весь просіялъ увидѣвъ, что нойонъ и безъ моей просьбы прислалъ намъ мѣха.

Ставка кемчикскаго нойона лежала отъ хуррэ въ трехъ верстахъ. Сойотскихъ юртъ на всемъ протяженіи пути попадалось множество, и видъ ихъ здѣсь, на Кемчикѣ, былъ веселъ и поэтиченъ: раскинутыя на зеленомъ фонѣ мягкой густой травы онѣ казались центрами, около которыхъ безчисленными точками пестрѣли мягкорунныя козы и овцы, сбившіяся мѣстами въ кучи и искавшія прохлады подъ сѣнью разсѣянныхъ тополевыхъ рощъ. Тутъ же паслись лошади и коровы, прохаживались великолѣпные яки и стада одногорбыхъ верблюдовъ.

Навстрѣчу намъ мчались, великолѣпно сидя въ сѣдлѣ, расфранченные въ пестрые халаты сойоты, направлявшіеся на праздникъ.

Долина для ставки кемчикскаго нойона была вы-

брана весьма удачно: вся зеленая, замкнутая со всѣхъ сторонъ кольцомъ густого лиственнаго лѣса, она должна была предохранять отъ сильныхъ въ тѣхъ мѣстахъ вѣтровъ и умѣрять палящій зной урянхайскаго лѣта.

Юрта нойона стояла посерединѣ; она была просторна и выдѣлялась изо всѣхъ своими украшеніями; нѣсколько поодаль расположена была юрта его матери-вдовы.

Наше приближеніе заставило все кругомъ заволноваться: сойотскіе чиновники забѣгали въ юрту старухи и скоро съ поклонами и присѣданіями провели насъ въ одиноко стоящую юрту, именуемую у нихъ канцеляріей.

По стѣнамъ ея были разложены грязныя тощія подушки, на которыя насъ пригласили сѣсть; посрединѣ стоялъ низкій столикъ съ открытой большой книгой на немъ; кисти и всѣ принадлежности для монгольскаго письма лежали тутъ же (сойоты своихъ письменъ не имѣютъ).

У самаго входа на нѣсколькихъ гвоздяхъ висѣли орудія пытки: толстая плеть, особое приспособленіе для ломанья пальцевъ, колючая метла, при помощи которой вызываютъ сознаніе у вора и, наконецъ, извѣстный уже намъ по разсказамъ Гаврилы, шугай.

Служившій намъ на этотъ разъ переводчикомъ ямщикъ сообщилъ, что мы разъѣхались съ нойономъ, уже проѣхавшимъ другой, кратчайшей дорогой на праздникъ въ хуррэ. Мы попросили разрѣшенія пройти къ его женѣ.

Чиновники долго и смущенно переговаривались,

наконецъ одинъ изъ нихъ направился къ старой нойоншѣ.

Разрѣшеніе повидать жену нойона было дано только мнѣ, мужчинамъ входъ къ ней возбранялся.

Мнѣ навстрѣчу вышла молодая, довольно неопрятно одѣтая, отъ другихъ ничѣмъ не отличавшаяся, сойотка, сконфуженно приняла привезенные ей подарки и предложила мнѣ неизмѣнное сойотское угощеніе въ видѣ чая, сахара и молочныхъ пѣнокъ съ прибавленіемъ русскихъ конфектъ, до которыхъ сойоты большіе охотники.

Не имѣя переводчика, чтобы разговориться, и не видя ничего интереснаго, я поспѣшила вернуться къ своимъ.

Они шли довольные мнѣ навстрѣчу: нойонъ, извѣщенный гонцомъ о нашемъ прибытіи вернулся и просилъ всѣхъ къ себѣ.

Въ Урянхаѣ, несмотря на то, что нѣтъ ни почты, ни газетъ, всѣ вѣсти распространяются съ необычайной быстротой: сойоты очень любопытны, и два встрѣчныхъ собрата никогда не разъѣдутся, предварительно не остановившись, не понюхавъ другъ у друга табачку и не разспросивъ о новостяхъ.

Когда же дѣло касается доставленія свѣдѣній нойону, то вся округа ставится на ноги: день и ночь летятъ, не останавливаясь, гонцы, смѣняя лошадей во встрѣчныхъ имъ юртахъ, и горе сойоту, не успѣвшему привезти вѣсть во время: жестокое наказаніе ждетъ не только его, но и всѣхъ прямо или косвенно причастныхъ къ запозданію.

Поэтому сойоты даютъ гонцу лучшую лошадь и

всячески способствуютъ быстрому и аккуратному выполненію возложеннаго на него порученія.

Насъ встрѣтилъ у входа въ свою юрту облаченный въ голубой шелковый халатъ и китайскую шапку съ шарикомъ юноша лѣтъ двадцати; его большіе каріе глаза смотрѣли привѣтливо, а улыбка обнаруживала два ряда великолѣпныхъ жемчужно-бѣлыхъ зубовъ. Не важничая, немного смущаясь и робѣя, онъ разговаривалъ съ нами черезъ переводчика, изрѣдка сдерживая готовый у него прорваться веселый дѣтскій смѣхъ.

Особенно насмѣшила его просьба мужа подарить ему по одному экземпляру орудій пытки, мотивируемая интересомъ къ этимъ, никогда не виданнымъ еще въ Россіи предметамъ.

Нойонъ тотчасъ велѣлъ принести ихъ и вручилъ намъ. Довольные, мы переглянулись, читая въ глазахъ другъ у друга нѣмой вопросъ: а будь на мѣстѣ молодого нойона кто-либо постарше, отнесся ли бы онъ такъ же легко къ подарку предметовъ, свидѣтельствующихъ о варварствѣ и дикости всего народа.

Угощеніе у нойона было подано опрятно и чай былъ налитъ въ русскіе стаканы, которыми онъ повидимому не мало гордился. Выпивъ его, мы сняли фотографію сойотскаго властелина и, получивъ разрѣшеніе осмотрѣть большую каменную молельню, находившуюся въ ставкѣ нойона, направились къ ней.

Величавая, опрятная и хорошо содержимая пагода послѣ всѣхъ видѣнныхъ нами деревянныхъ развалинъ, произвела хорошее впечатлѣніе; въ ней шло моленіе. Спиною къ сойотскимъ божествамъ и лицомъ къ

двумъ длиннымъ рядамъ ламъ, размѣщеннымъ на низкихъ скамьяхъ, сидѣлъ очередной (они служатъ по очереди) лама, громко читалъ что-то по книгѣ и звонилъ въ колокольчикъ.

Я стала фотографировать ихъ. Чтецъ тотчасъ остановился и съ любопытствомъ поднялъ на меня глаза, его примѣру послѣдовали всѣ другіе. Сдѣлавъ снимокъ, мы поѣхали обратно въ хуррэ, предоставивъ богомольнымъ сойотскимъ монахамъ продолжать ихъ прерванное занятіе.

Необычайный шумъ, гамъ, барабанный бой, звуки трубъ и литавръ, глухой и дикій ревъ раковинъ, въ которые дули ламаитскіе мальчишки (послушники) заставили насъ, приближаясь къ сойотскому монастырю, сойти съ лошадей, боясь, что они испугаются и разнесутъ насъ.

Праздничная процессія уже началась, и участники ея растянулись длинной вереницей по зеленой луговинѣ, окружавшей монастырь.

Впереди всѣхъ шли ламы, несшіе на высокихъ шестахъ подобіе нашихъ церковныхъ хоругвей; онѣ были чисто китайскаго стиля, шелковыя, очень яркой расцвѣтки; за ними въ гарусныхъ шлемахъ выступали ламы, бившіе въ бубны и литавры. Двѣ громадныя, низко гудѣвшія трубы, несомыя чуть ли не шестью монахами, слѣдовали за ними, а дальше маленькія трубы, раковины, гудѣлки, сопѣлки и свистки. И Боже мой, какая получалась какофонія!

Везомый ламами въ особаго рода деревянной ярко раскрашенной колесницѣ, съ высокою спинкой,

низкими боками и безъ передка, подвигался позади музыкантовъ хамбо-лама. Онъ сидѣлъ въ своей, на подобіе опрокинутаго горшка, деревянной золоченой шапкѣ и флегматично смотрѣлъ по сторонамъ. За нимъ шли нойоны, а сзади пестрой, разсыпавшейся по лужайкѣ толпой, слѣдовали собравшіеся богомольцы.

По четыремъ сторонамъ хуррэ стояли высокіе деревянные шесты; процессія поочередно направлялась къ каждому изъ нихъ, останавливалась, всѣ поворачивались лицомъ къ колесницѣ и разсаживались на длинныхъ красныхъ подушкахъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ шли.

Нойонъ и старшіе чиновники садились поодаль.

Начиналось угощенье чаемъ.

Къ хамбо-ламѣ тѣмъ временемъ, какъ бы за благословеніемъ, подходили собравшіеся пилигримы; онъ прикладывалъ имъ на голову и лобъ мягкій, изъ тряпокъ сдѣланный столбикъ, прикрѣпленный шнуркомъ къ короткой палкѣ.

Изъ-за спины хамбо-ламы выдвигалась голова зеленой лошади, къ которой сойоты по окончаніи процессіи, когда ее стали вносить въ молельню, бросались цѣлой толпой и стукались объ нее лбами.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ хамбо ламы поставили низенькій столикъ съ чайникомъ воды и блюдомъ ячменя; во время стоянки ихъ все время переливали и пересыпали изъ одного сосуда въ другой. Значеніе этихъ дѣйствій осталось для меня невыясненнымъ.

Посидѣвъ довольно долго и достаточно наугощав-

Сойотскіе чиновники.

шись, дикари въ томъ же порядкѣ прослѣдовали дальше, пока не поравнялись съ просторной бѣлой палаткой, раскинутой у главной пагоды, въ которую все и было внесено. Только колесница хамбо-ламы осталась передъ палаткой на мѣстѣ, отведенномъ для борцовъ, безъ которыхъ здѣсь не обходится ни одно торжество.

Хамбо-лама вошелъ подъ навѣсъ и сѣлъ лицомъ къ народу на возвышенiи. Длинными рядами по одну сторону съ нимъ размѣстились ламы.

Нойоны сѣли съ лѣвой стороны; насъ пригласили занять мѣста рядомъ съ ними, чиновники размѣстились у нашихъ ногъ, а народъ гурьбою сбоку.

Долго, скучно и монотонно, пѣли ламы молитвы.

Я тѣмъ временемъ успѣла посмотрѣть лошадей, предназначенныхъ для скачки; ихъ было много. Голые смуглые сойотята сидѣли на нѣкоторыхъ изъ нихъ, другихъ чистили и украшали тряпьемъ старшiе сойоты. Отъ времени до времени лошадей ставили въ линiю и выравнивали, очевидно подготовляя къ моменту начала скачекъ; пробѣгъ опредѣлялся въ двѣнадцать верстъ.

Ламы тѣмъ временемъ кончили пѣть молитвы.

Четыре пары почти голыхъ, съ поднятыми кверху руками борцовъ, дико прыгая, ломаясь и кривляясь, приближалось къ палаткѣ; отъ времени до времени они шлепали себя руками по голымъ икрамъ.

Остановившись передъ хамбо-ламой, они отвѣсили ему земной поклонъ; то же самое было сдѣлано ими и въ сторону нойновъ.

Отойдя, они схватились.

Способъ борьбы у сойотовъ своеобразный: побѣжденнымъ считается тотъ, кто упалъ, или хотя бы пальцемъ коснулся земли.

Около каждаго борца стоитъ чиновникъ, и на обязанности его лежитъ разнимать борцовъ послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ окажется побѣжденнымъ. Мѣра эта далеко не лишняя, потому что при насъ борьба раза два переходила въ форменную потасовку, когда зазѣвавшіеся чиновники не успѣвали во время растащить противниковъ.

Каждый чиновникъ матеріально заинтересованъ въ побѣдѣ борца, около котораго онъ стоитъ. Дѣло въ томъ, что побѣдитель награждается горстью пыхтаха (особаго рода сойотскій прѣсный творогъ), большую часть котораго онъ отдаетъ тутъ же чиновнику, небольшое количество съѣдаетъ самъ, а остальное бросаетъ коршунамъ, летающимъ надъ ареной въ громадномъ количествѣ.

Широко разставивъ могучія крылья, они по нѣсколько штукъ сразу какъ камни падали внизъ и, не касаясь земли, подхватывали брошенную имъ пищу.

Съ самаго начала процессіи цѣлыя тучи ихъ рѣяли надъ нами; когда же началась борьба, они спустились ниже, безстрашно вились надъ толпой, садились поблизости на землю и выхватывали мясо и пыхтахъ прямо изъ рукъ людей.

Насъ удивила смѣлость этихъ вольнолюбивыхъ красивыхъ птицъ, которыхъ мы привыкли видѣть только подъ облаками. Сойоты считаютъ ихъ священ-

ными, никогда не бьютъ ихъ и легко пріучаютъ къ своимъ религіознымъ процессіямъ, бросая имъ пищу; умные хищники слетаются се всѣхъ сторонъ, заслышавъ дикую музыку торжества.

Роль чиновниковъ въ борьбѣ не ограничивается только разниманіемъ дерущихся; они должны также подбодрять каждый своего борца, и дѣлаютъ это они оригинально и смѣшно, громко шлепая борцовъ по обнаженнымъ спинамъ.

Въ перерывахъ между борьбой сойоты угощались: подавали творожный сыръ, кумысъ, аракъ, пыхтахъ и вареную баранину; громадные мѣдные тазы были наполнены этой снѣдью далеко не перваго качества.

Нойону подали на эмалированной тарелкѣ жирный курдюкъ, а намъ всю жиромъ залитую часть задней ноги барана; чиновники получили голову, внутренности и ноги. Все это раздиралось просто руками и препровождалось въ ротъ грязными, сальными пальцами.

Было уже три часа; съ утра никто изъ насъ не имѣлъ крохи во рту, мы было рѣшили воспользоваться предложеннымъ намъ угощеніемъ, но тутъ же съ омерзеніемъ отодвинули тарелку: вся она была покрыта толстымъ слоемъ грязи, на которомъ ясно обозначались слѣды жирныхъ пальцевъ подавшаго намъ ее сойота; баранина вся была засыпана мелкой пылью какъ пудрой

Вообще, какъ я уже говорила выше, сойоты народъ страшно грязный и совершенно не брезгливый. Большинство изъ нихъ никогда не моются, а женщины по закону не имѣютъ права входить въ воду

выше колѣнъ. У большинства изъ нихъ верхняя, обнаженная часть тѣла покрыта потеками грязи.

Что касается ѣды, то ѣдятъ они все, не разбирая, до падали включительно, и потому между ними очень распространены желудочныя заболѣванія.

Въ нашу бытность у одного, упоминаемаго дальше мѣстнаго жителя Боярскаго упалъ въ Сатанъ-Терекъ козелъ и, не будучи въ состояніи выскочить на крутой берегъ, пошелъ къ дну. Тотчасъ явилась цѣлая компанія сойотовъ, прося отдать имъ его мясо. Боярскій отказалъ и сталъ варить его частями работавшимъ у него сойотамъ.

Онъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что если сойотамъ даромъ отдавать падаль, то они, зная, что русскіе брезгуютъ ею, прибѣгаютъ къ хитрости: топятъ скотъ, или набиваютъ ноздри коровъ сѣномъ, чтобы онѣ задохнулись. Затѣмъ, когда животное падаетъ бездыханнымъ, ведутъ владѣльца къ мѣсту катастрофы; онъ снимаетъ шкуру, а мясо оставляетъ на произволъ судьбы; сойоты тотчасъ растаскиваютъ его по юртамъ и наѣдаются до отвала.

У нихъ нѣтъ вообще привычки оставлять или приберегать что-либо: какъ истые дикари, они накидываются на раздобытую ими пищу и пожираютъ сразу все, не думая о томъ, что имъ можетъ-быть придется голодать всѣ послѣдующіе дни.

Ѣдятъ они также околѣвшихъ отъ заразныхъ болѣзней животныхъ, отчего нерѣдко вымираютъ цѣлыми семьями.

Разскажу случай, видѣнный нами у Порватовыхъ

и наглядно доказавшій намъ отсутствіе у нихъ брезгливости.

Хозяйка утромъ отправилась въ кладовую и вытащила банку сметаны, которую тотчасъ велѣла выбросить: туда попала мышь. Бывшіе при этомъ сойоты подобрали ее и заявивъ, что огонь все очищаетъ, сунули въ сметану горящую лучину, потомъ вытащили изъ нея уже мертвую мышь, тщательно облизали ее и съѣли все содержимое банки.

Усталые и голодные мы собрались ѣхать на Джеданъ, не дождавшись скачекъ.

Узнавъ наше рѣшеніе, нойонъ и хамбо-лама прислали намъ отдарки: шелковые шарфы, платки и великолѣпную шкуру рыси.

На Джеданѣ мы въ тотъ же день осмотрѣли двѣ поясныя интересныя статуи, именуемыя каменными бабами: онѣ стоятъ въ небольшихъ углубленіяхъ посреди засѣяннаго просомъ сойотскаго поля и держатъ передъ собой какого-то страннаго вида сосуды.

На другой день, не торопясь, основательно выспавшись, мы поздно выѣхали на заимку славящагося здѣсь своимъ гостепріимствомъ казанскаго татарина Захара Ивановича.

Дорога пролегала то высоко въ горахъ, то спускалась въ живописную, зеленую долину рѣки Кемчика; словно громадная серебряная лента, протекаетъ онъ среди тополевыхъ рощъ; кругомъ встаютъ высокія снѣжныя вершины Алтая...

Было время самаго большого магометанскаго поста, Рамазана, когда татары не ѣдятъ до вечера и приступаютъ къ трапезѣ только по наступленіи сумерекъ.

Сильно обрусѣвшій Захаръ Ивановичъ его не придерживался, зато постилось все женское населеніе его дома: жена и двое дочерей. Былъ тотчасъ зарѣзанъ жирный баранъ, и накрытый пестрой татарской ска-

Каменная баба въ степи.

тертью столъ уставился вкусными издѣліями его толстухи-жены, Екатерины Абдуловны.

Большими окнами, передъ которыми разросся пестрый цвѣтникъ, глядѣла обшитая тесомъ изба въ тополевую рощу и дальше въ степь на дорогу; задній фасадъ ея выходилъ на широкій дворъ, заканчивавшійся загономъ для скота, а по обѣ стороны располо-

жились обширные амбары, снабжавшіе тутъ же помѣщавшуюся тѣсную лавку товарами, отъ дегтя и керосина до плиса, сапогъ, сахара и шоколадныхъ конфектъ включительно.

Цѣлыя стаи индѣекъ и куръ копошились въ навозѣ, а посреди нихъ съ важно-сосредоточеннымъ видомъ разгуливалъ ручной журавль.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сойотъ принесъ Екатеринѣ Абдуловнѣ два журавлиныхъ яйца, и она любопытства ради подложила ихъ подъ индѣйку. Одно изъ нихъ оказалось негоднымъ, изъ другого вывелся смѣшной и хрупкій журавленокъ. Онъ росъ вмѣстѣ съ индѣйками и скоро сталъ обижать своихъ, болѣе слабыхъ братьевъ. Тогда индюшка-мать возстановила порядокъ, принявшись безъ милосердія гнать своего урода-подкидыша Екатерина Абдуловна должна была взять его подъ свое покровительсво и выходила.

Она разсказывала, что журавль много разъ улеталъ въ степь, приводилъ съ собой одного-двухъ товарищей, но что тѣ никакъ не рѣшались проникнуть внутрь двора, тогда какъ ея питомецъ въ свою очередь ни за что не хотѣлъ ночевать внѣ его.

Екатерина Абдуловна разсказывала, что у нея были и дикіе гуси и турпаны: посдѣдніе особенно легко приручаются къ человѣку, и только особая случайность можетъ отвадить ихъ отъ пріютившаго ихъ двора. Ихъ было у татарки много, но весной, когда тронулся ледъ, они были унесены полой водой и не возвратились больше. Она очень любила ихъ, откровенно сознаваясь, что ей не достаетъ ихъ веселаго „разговора“.

Мѣстоположеніе заимки Захара Ивановича красиво и поэтично; она раскинулась на трехугольномъ мысѣ подъ Змѣиной горой на самомъ берегу бурнаго Кемчика. Могучая громада этой горы, получившей свое названіе отъ обилія змѣй на ней, защищаетъ ее отъ бурь и непогоды; быстрый Кемчикъ ежегодно подмываетъ и уноситъ часть берега, который татары укрѣпляютъ и отвоевываютъ у него.

Къ вечеру пріѣхалъ хамбо-лама: онъ возвращался съ праздника на Джеданѣ въ свое постоянное мѣстожительство—хуррэ на Барлыкѣ.

Проѣздомъ онъ всегда останавливался у Захара Ивановича.

Съ нимъ ѣхала свита изъ пяти-шести человѣкъ; но въ избу вошелъ съ нимъ вмѣстѣ только одинъ лама.

Началось угощеніе.

Долго и много пили сойоты чай, безъ милосердія уничтожая поставленное на столъ въ большой вазѣ варенье; несмотря на свалившій уже жаръ, потъ лилъ съ нихъ ручьями и они утирали его красными грязными шарфами, перекинутыми черезъ ихъ плечи.

За ужиномъ хамбо-лама внимательно слѣдилъ за нами, подражая всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ; онъ съ трудомъ справлялся съ ножомъ и вилкой, и мы едва удерживались отъ смѣха, видя, какъ онъ глоталъ въ поданномъ компотѣ сливы, шепталу и вишни съ косточками. Ѣлъ онъ его медленно и неохотно и на вопросъ хозяина, что можетъ-быть поданное блюдо ему не по вкусу, откровенно сознался, что горло его не приспособлено къ глотанію такихъ крупныхъ и жесткихъ вещей.

На ночь мы ушли въ свою палатку, оставивъ бѣднаго хамбо-ламу на съѣденіе разнаго рода паразитамъ.

Ожидая рано утромъ запрягаемыхъ намъ коней, мы съ любопытствомъ наблюдали сцену омовенія сойотскаго первосвященника. Онъ сидѣлъ, а лама осторожно наливалъ ему на ладошку нѣсколько капель студеной воды и онъ долго размазывалъ ихъ по физіономіи, не столько моя, сколько пачкая ее своими неопрятными руками. Умыванье было для него дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, и вѣроятно продѣлывалось только ради окружавшихъ его русскихъ.

Разношерстная пара сытыхъ коней симпатичнаго Захара Ивановича лихо подхватила насъ отъ крыльца и понесла въ дальнѣйшій путь.

Солнце близилось уже къ закату, когда мы перебрались черезъ горы и выѣхали на гладкую степь, по всѣмъ направленіямъ изрѣзанную мочагами; сойотскія поля и сѣнокосы были разбросаны повсюду; мочаги то и дѣло пересѣкали дорогу и отсутстіе мостовъ заставляло въѣзжать въ нихъ, то и дѣло рискуя сломать колеса.

Версты четыре не доѣзжая до рѣки Саденъ-Терекъ, открылась обширная площадь древняго кладбища съ торчащими изъ земли частію красными, частію зелеными каменными плитами.

Холмовъ надъ могилами нѣтъ и плиты не покрываютъ ихъ сверху какъ у насъ, а служатъ какъ бы стѣнами со всѣхъ четырехъ сторонъ: впечатлѣніе было такое, словно передъ нами было заготовлено множество только что вырытыхъ могилъ.

Мужъ вскрылъ нѣкоторыя изъ нихъ и обнаружилъ

въ нѣкоторыхъ по одному, въ другихъ по нѣсколько скелетовъ.

Надписей на могилахъ не было никакихъ.

Далѣе, въ сторону отъ дороги, на совершенно гладкой степи возвышались, образуя какъ бы гигантскія ворота, двѣ темныхъ, лишенныхъ растительности скалы.

Проѣхавъ еще версты двѣ, мы завидѣли факторію Иваницкаго, дѣлами которой вѣдалъ подъ наблюденіемъ Порватова мѣстный старожилъ Боярскій; мы везли къ нему письмо отъ инженера съ просьбой устроить насъ поудобнѣй и помочь осмотрѣть все, что покажется намъ интереснымъ.

Коренастый, съ большой лысиной, настоящій русскій мужикъ съ бородой лопатой, Боярскій оказался умнымъ, смѣтливымъ и видавшимъ, что называется, всякіе виды; онъ жилъ въ Урянхаѣ давно, великолѣпно говорилъ по-сойотски, былъ когда-то богатъ и, разорившись вслѣдствіе падежа скота, долженъ былъ поступить на службу къ Иваницкому.

Вручивъ ему убитую нами дорогой дичь, отмывшись отъ дорожной грязи и пыли и подкрѣпившись чаемъ съ небольшой закуской, мы пробесѣдовали съ нимъ до наступленія сумерекъ и отправились спать въ палатку.

Боярскій просилъ никакихъ лишнихъ вещей туда съ собой не брать, ссылаясь на необычайную вороватость въ тѣхъ мѣстахъ сойотовъ. Онъ разсказалъ намъ, что во время пребыванія у нихъ въ прошломъ году Маріи Ивановны Порватовой дикари ночью рас-

крыли юрту, въ которой она спала, и украли всѣ покрывавшія это сооруженіе кошмы.

Сообщилъ также о случаѣ, происшедшемъ когда-то съ нимъ. Онъ ѣхалъ изъ Минусинска съ товаромъ и, боясь, чтобы сойоты не украли чего, расположился спать на тюкахъ. Подъ себя онъ подстелилъ хорошую медвѣжину (шкуру) и заснулъ спокойно, вполнѣ убѣжденный, что при такихъ условіяхъ все будетъ цѣло.

Только ночью вдругъ чувствуетъ, что кто-то съ силой вытягиваетъ медвѣжину изъ-подъ него, вскакиваетъ и слышитъ топотъ удаляющейся лошади, а за нею шелестъ по травѣ шкуры. И что же оказалось? Дикарь подползъ ночью къ нему, увидалъ, что ничего не можетъ стянуть у него безнаказанно, привелъ коня, привязалъ веревку къ медвѣжинѣ, сѣлъ на лошадь и погналъ ее, что было мочи. Конь разомъ выдернулъ шкуру изъ-подъ спящаго и быстро скрылся въ ночной темнотѣ.

На другой день мы рѣшили ѣхать осматривать окрестности, гдѣ по словамъ Боярскаго стояла интересная каменная „фигура“ и были древнія надписи на скалахъ.

Часовъ въ десять утра къ крыльцу подъѣхалъ коробокъ, запряженный парой тощихъ коней; мы размѣстились въ немъ и поѣхали въ степь. Гладкая поверхность ея была вся усѣяна мелкаго и крупнаго размѣра галькой, свидѣтельствовавшей о томъ, что мы ѣхали по руслу теперь уже не существующей древней рѣки.

Экипажъ нашъ подскакивалъ и немилосердно трясъ;

мужъ увидѣлъ выводокъ прогуливающихся дрофъ, и инстинктъ охотника быстро заставилъ его забыть всѣ непріятности пути.

Крадучись, зигзагами подъѣзжали мы къ нимъ, и скоро мужъ выстрѣлилъ, не выходя изъ экипажа. Испуганныя лошади подхватили и долго мчали насъ по степи. Когда онѣ наконецъ остановились, насъ нагналъ Жужелъ, держа убитую птицу въ рукѣ.

Убивъ еще нѣсколько штукъ и, напугавъ выстрѣлами не только находившуюся поблизости дичь, но и стада пасшихся барановъ, мы поѣхали дальше.

Поравнявшись съ дикими, почти голыми скалами, мы увидѣли у подножія ихъ нѣсколько бѣдныхъ юртъ. Рѣки поблизости не имѣлось; но проступавшая кругомъ зеленая трава свидѣтельствовала о томъ, что необходимая людямъ и скоту влага въ данномъ мѣстѣ существовала.

Боярскій скоро обратилъ наше вниманіе на небольшія отверстія въ землѣ, изъ которыхъ сойотскіе мальчики черпали воду, и тутъ же прибавилъ, что качество ея въ данномъ мѣстѣ таково, что болѣютъ не только люди, но и скотъ, но что сойоты никакъ не рѣшаются оставить эту мѣстность, такъ какъ на громадное пространство кругомъ влаги не было вовсе.

Миновавъ юрты, мы попали снова въ голую степь и ѣхали, пока не наткнулись на нѣсколько древнихъ могилъ, однородныхъ съ тѣми, что мы уже видѣли на описанномъ мною кладбищѣ. Тутъ же валялись большіе куски обтесаннаго камня. Съ трудомъ поднявъ и сложивъ ихъ, мы получили два каменныхъ изваянія: одно изображало грубо сдѣланную фигуру чело

Древній курганъ.

вѣка, сидящаго со скрещенными ногами безъ рукъ и головы, другое начиналось отъ бедръ, голова тоже отсутствовала, лѣвая рука лежала на поясѣ; около нихъ были слѣды нахожденій здѣсь древнихъ могилъ.

Проѣхавъ съ полверсты дальше, увидѣли возвышающуюся въ степи, великолѣпно сдѣланную могучую фигуру человѣка; она стояла на низкомъ, совершенно почти незамѣтномъ издали, курганѣ и изображала мужчину, европейскаго типа съ усами и бородкой, съ прямымъ носомъ и близко другъ къ другу поставленными глазами. Его длинные волосы ниспадали сзади толстой косой; до узорнаго пояса фигура его обнажена, а въ сложенныхъ рукахъ онъ держитъ сосудъ, подобный тѣмъ, какіе мы уже видѣли у каменныхъ бабъ на Джеданѣ.

Заѣхали посмотрѣть и надписи на скалахъ. Оказались просто начерченныя тушью монгольскія письмена, совсѣмъ недавняго происхожденія.

Вернувшись домой въ четвертомъ часу, мы отправились купаться въ неглубокую, но холодную и прозрачную рѣку Саденъ-Терекъ; извилистая, она образуетъ массу мелкихъ заливовъ, посѣщаемыхъ дикими утками и гусями.

Послѣ обѣда мы отправились охотиться и, углубившись въ красивый островъ, образуемый рѣками Кемчикомъ и Саденъ-Терекомъ, скоро раздѣлились: мужъ стрѣлялъ утокъ, а я изслѣдовала множество круглыхъ ямъ, какъ рѣшето испещрившихъ лужайку у подножія скалы.

На днѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалось неболь-

шое количество проса, позднѣе Боярскій объяснилъ мнѣ, что это были сойотскіе амбары.

Собравъ осенью хлѣбъ съ поля, сойоты складываютъ въ эти ямы зерно, нѣсколько юртъ вмѣстѣ нанимаютъ сторожа, который и охраняетъ ихъ.

Ямы эти, мало замѣтныя даже вблизи, очень опасны для скота и лошадей, легко ломающихъ въ нихъ ноги.

Далѣе мое вниманіе было привлечено колючимъ кустарникомъ съ мелкими, желтыми ягодами и листьями, весьма похожими на зелень оливковыхъ деревьевъ. Это былъ такъ называемый здѣсь „сибирскій виноградъ", очень любимая сибиряками ягода— облѣпиха. Свое названіе она получила не даромъ, такъ какъ густо, ягода къ ягодѣ, облѣпляетъ кустарникъ.

Намъ она не понравилась: по цвѣту, вкусу и запаху она очень напоминаетъ мелкія зерна нашей морошки, но гораздо кислѣе ея.

Вечеромъ мы долго сидѣли съ мужемъ на скамеечкѣ около избы Боярскаго. Тихій, теплый вѣтеръ ласково обвѣвалъ насъ, а громадная, темная степь, окаймленная кольцомъ снѣжныхъ вершинъ Алтая, именуемыхъ здѣсь „бѣлками", постепенно засыпала; наступавшая тишина только изрѣдка нарушалась блеяніемъ возвращавшихся домой овецъ, да звучнымъ крикомъ журавлей въ степи.

На другой день, рано утромъ, нарядный сойотъ привелъ намъ отъ хамбо-ламы, по просьбѣ Боярскаго, верховыхъ лошадей: мужу рыжаго бѣгуна (рысистую лошадь), мнѣ маленькаго иноходца, и мы поѣхали

осматривать старинную крѣпость и асбестовые промысла Иваницкаго.

Мѣрно, какъ въ люлькѣ, покачиваясь въ сѣдлѣ, я приближалась къ Кемчику; мужъ и Боярскій слѣдовали сзади.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ горахъ выпали дожди, и вода въ рѣкѣ стояла высоко. Сойотъ медленно и осторожно, низко пригнувшись къ сѣдлу, въѣхалъ въ воду; наши лошади неохотно шли за нимъ: быстрое теченіе подкашивало имъ ноги и сильно тянуло внизъ; онѣ подвигались съ трудомъ.

Заворачивая то вправо, то влѣво, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ и тотчасъ поварачивая снова, мы едва подвигались впередъ.

Пріятная прохлада густой тополевой рощи привѣтливо встрѣтила насъ на другомъ берегу. Мы ѣхали ею довольно долго, то и дѣло минуя цѣлыя заросли облѣпихи, пока не добрались до узкаго ущелья, мѣстами густо поросшаго дикимъ льномъ и коноплею. Разогрѣтыя полуденнымъ солнцемъ каменныя громады, какъ раскаленная печь, обдавали насъ жаромъ; мы обливались потомъ и рысью подвигались впередъ.

Спугнули нѣсколько выводковъ куропатокъ; коегдѣ прогуливались дрофы; онѣ тоже страдали отъ жары, о чемъ ясно свидѣтельствовали ихъ опущенныя крылья и раскрытые рты.

Ущелье вывело насъ на обширное зеленое болото; миновавъ его и въѣхавъ, какъ въ ворота, въ расщелину между двумя высокими скалами, понеслись степью, густо покрытой высокимъ, выше роста человѣческаго, караганникомъ.

Оглядѣвшись по сторонамъ, я обратила вниманіе Боярскаго на громадное бѣлое, какъ я предполагала, стадо козъ.

— Да это журавли передъ отлетомъ свои ученья производятъ! отвѣтилъ онъ вглядѣвшись.

Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли великое множество этихъ птицъ: я начала считать ихъ, но убѣдилась, что это немыслимо; приблизительно ихъ было нѣсколько тысячъ.

Часть ихъ сидѣла, подставивъ голову и растопыренныя крылья солнцу, другая важно выступала длинными рядами, какъ солдаты на смотру; многіе, уединившись, танцовали извѣстный, весьма смѣшной журавлиный танецъ.

Возвращаясь съ Кемчика, намъ часто приходилось потомъ натыкаться на подобныя, невиданныя еще доселѣ картины: близилась осень, и журавли готовились къ отлету.

Добрались наконецъ и до древней крѣпости, именуемой сойотами Болгачъ, что означаетъ глиняный домъ. Таковаго, конечно, не оказалось, а крѣпость представляетъ собой большой квадратъ, саженъ въ сто двадцать пять съ лишкомъ, обнесенный валомъ изъ мелкой рѣчной гальки. Вышина его приблизительно четыре аршина и каждая сторона имѣетъ прорѣзъ посрединѣ, служившій, очевидно когда-то воротами.

Съ одной изъ окрестлежащихъ горъ виднѣлась вершина Бай-тайги (въ русскомъ переводѣ означаетъ богатая гора), о которой сойоты разсказали намъ слѣдующую легенду.

Жилъ былъ бѣдный сойотъ, и была у него только

убогая юрта; ни коня, ни скота не ходило кругомъ— все унесъ появившійся моръ.

Задумалъ тогда сойотъ страшное дѣло: пробраться на Бай-тайгу. До сихъ поръ никому сдѣлать этого не удавалось. Какъ только приближался какой-нибудь смѣльчакъ къ ней, поднималась жестокая буря, валила съ корнемъ деревья, ломала вершины, выла и гудѣла на всѣ голоса, крутились вихри, ревѣли дикіе звѣри и наводили такой страхъ на всадника, что не только у него волосы, но и грива у лошади становились дыбомъ.

Ничего не испугался бѣдный сойотъ, все лѣзъ на гору и читалъ разныя заклинанія противъ шайтана.

Добрался наконецъ до вершины горы и видитъ— сидитъ старый, престарый Инезе, хозяинъ горы. Поклонился сойотъ ему и ждетъ, что старикъ за его дерзость нехорошее слово скажетъ, а тотъ посмотрѣлъ на него такъ ласково да и говоритъ:

— Хорошо сдѣлалъ, что пришелъ; знаю, что несчастный бѣднякъ ты. Иди обратно домой и съ этого дня богатъ будешь, только смотри сюда меня тревожить больше не приходи, а то худо тебѣ будетъ!

Вернулся сойотъ къ своей юртѣ, а около нея табунъ въ тысячу головъ лошадей пасется! Заплакалъ онъ отъ радости и съ этого дня весело и хорошо зажилъ.

Только стала его мучить мысль, что не отдарилъ онъ ничѣмъ стараго Инезе и что надо ему большой подарокъ снести. Думалъ, думалъ, совѣта стариковъ не послушался да опять на Бай-тайгу полѣзъ.

Пропалъ съ того времени сойотъ и много лѣтъ не видали его. Вернулся онъ дряхлымъ и больнымъ старикомъ, а кони и юрта тѣмъ временемъ исчезли. Легъ онъ съ горя на землю, долго вздыхалъ, да такъ на мѣстѣ своей пропавшей юрты опять бѣднякомъ и умеръ.

Вечеромъ Боярскій очень заинтересовалъ насъ своими разсказами о пережитыхъ имъ и всѣми русскими вообще въ Урянхаѣ событіяхъ. Особенно характеренъ былъ его разсказъ о томъ, какъ княжившему въ началѣ текущаго вѣка и уже умершему теперь нойону Хайдубу пришла фантазія выселить съ Кемчика всѣхъ русскихъ въ трехдневный срокъ.

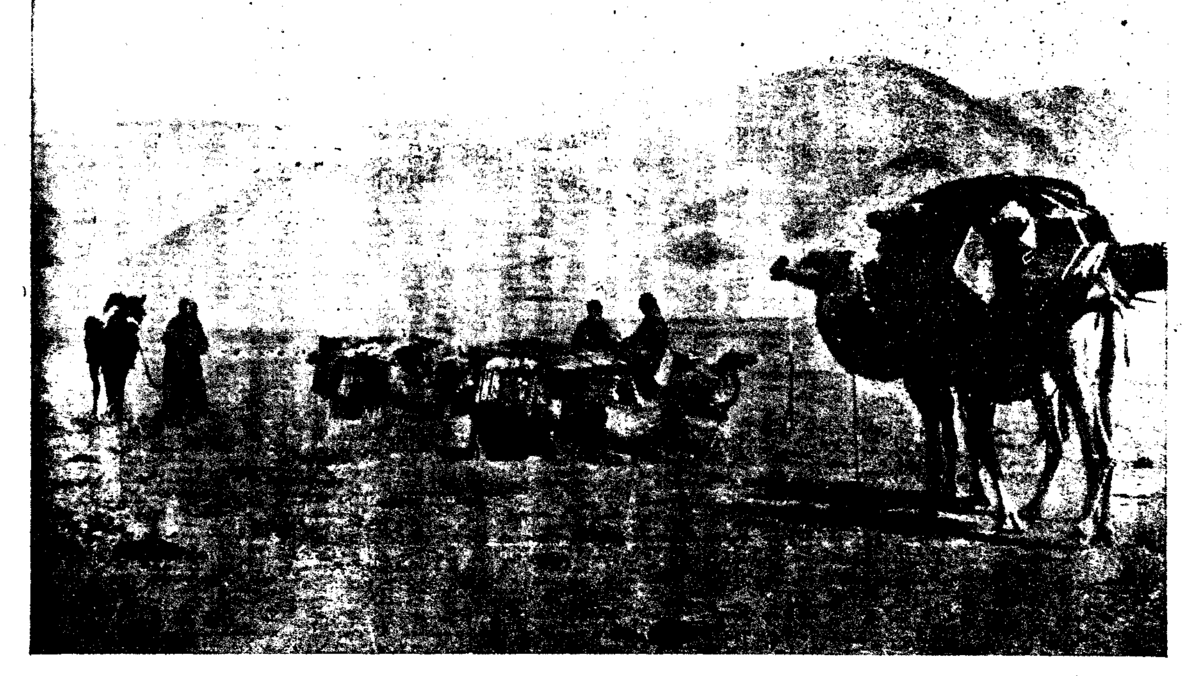
Въ глухую холодную осеннюю пору онъ разослалъ къ нимъ своихъ чиновниковъ съ приказомъ немедленно освободить его территорію.

Пріуныли русскіе и бросились за совѣтомъ къ Боярскому, бывшему тогда старшимъ выборнымъ и политично и умѣло ведшему всегда переговоры съ сойотами.

Боярскій встрѣтилъ чиновниковъ съ честью, поставилъ много водки и всякой снѣди на столъ и сталъ съ ними бесѣдовать. Онъ доказывалъ имъ всю несправедливость ихъ требованія, ставилъ на видъ, что русскіе имъ худа никогда не дѣлали, просилъ войти въ положеніе тѣхъ несчастныхъ, которыхъ они ни за что, ни про что разоряли и обрекали на голодъ и холодъ съ ихъ женами и дѣтьми.

Чиновники угощались и на все упрямо отвѣчали: «Нойонъ велѣлъ, уѣзжай»!..

Послали русскіе гонца къ своему пограничному

Караванъ верблюдовъ.

начальнику, а онъ на другой день совсѣмъ неожиданно самъ пріѣхалъ, но когда увидѣлъ компанію собравшихся у Боярскаго сойотскихъ чиновниковъ, уже нѣсколько дней у него угощавшихся—давай Богъ ноги

— Я ничего не знаю, говоритъ, земля не наша—разрѣшаютъ жить—живите, а гонятъ, такъ утекайте поскорѣй!

Почесали поселенцы затылки и порѣшили помимо пограничнаго начальника послать въ Монголію къ русскому консулу гонца.

Посланный уѣхалъ, а они тѣмъ временемъ принялись всячески сойотскихъ чиновниковъ ублажать и оттягивать время.

Сойоты пьянствовали, ѣли, проводя день и ночь у Боярскаго, а у русскихъ тѣмъ временемъ душа была не на мѣстѣ: не то удастся все миромъ уладить, не то придется бросать насиженныя мѣста и итти куда глаза глядятъ на вѣрную погибель: Енисей еще не сталъ и переправа черезъ него была опасна, а горные хребты въ осеннее время съ ихъ трескучими морозами совсѣмъ непроходимы. О переправѣ имѣвшагося у всѣхъ скота, составлявшаго все ихъ достояніе, не могло быть и рѣчи.

Недѣлю съ лишкомъ проѣздилъ гонецъ, а на вторую прискакали отъ Хайдуба сойоты и велѣли всѣмъ чиновникамъ немедленно убраться; прислали Хайдубу разносъ изъ Монголіи и приказали явиться лично и держать отвѣтъ.

Перетрусилъ зазнавшійся нойонъ—у монголовъ расправа короткая – и не то отравился, не то просто куда-то скрылся.

А русскіе по сіе время сидятъ на насиженныхъ ими мѣстахъ и благодарятъ энергичнаго русскаго консула, сумѣвшаго во время заступиться за нихъ.

На третій день повезъ насъ Боярскій въ гости къ хамбо-ламѣ.

Мы встрѣтились какъ старые знакомые, непринужденно и весело болтали при помощи смѣтливаго и хорошаго переводчика—Боярскаго. Политично заведя рѣчь о разныхъ дѣлаемыхъ въ странѣ сойотами находкахъ, онъ заставилъ хамбо-ламу не только показать, но и подарить намъ нѣсколько наиболѣе заинтересовавшихъ насъ предметовъ.

Долина рѣки Кемчика вообще богата находками; здѣсь часто находятъ древніе бронзовые ножи, топоры, стрѣлы и т. п. На одной изъ рѣкъ, пересѣкающихъ ее, имѣется бродъ, именуемый теперь Серебрянымъ, такъ какъ на немъ были найдены серебряный поясъ, жемчуга и кораллы.

Наши подарки стояли у хамбо-ламы на почетномъ мѣстѣ; нѣсколько вѣнскихъ стульевъ и настоящій русскій столъ доказывали желаніе первосвященника перенимать кое-что отъ русскихъ. Еще болѣе подтвердилось это, когда вошедшій лама поставилъ на столъ пузатый самоваръ, нѣсколько чашекъ и стакановъ и дымящееся блюдо сибирскихъ пельменей.

Боярскій перемылъ всю посуду, и нашъ радушный хозяинъ съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ мы, такъ брезгливо относившіеся до сихъ поръ ко всякаго рода сойотскимъ угощеніямъ, уничтожали все предложенное намъ.

Много говорили объ обѣщанной сойотскимъ деле-

гатамъ поѣздкѣ въ Петроградъ для представленія Бѣлому Царю, въ которой хамбо-лама несомнѣнно долженъ былъ играть наиважнѣйшую роль.

Совсѣмъ по дѣтски наивно радовался онъ, что ему не такъ жутко будетъ теперь въ Петроградѣ, гдѣ и у него найдутся добрые знакомые, въ лицѣ насъ.

Съ разгорѣвшимися глазами, внимательно слушалъ онъ наши разсказы о жизни въ нашей странѣ, о желѣзныхъ дорогахъ и многоэтажныхъ домахъ. Слово «этажъ» было совсѣмъ чуждо ему, и пришлось говорить о высоко, рядовъ въ шесть, другъ на друга нагроможденныхъ избахъ.

Когда разговоръ пересталъ клеиться, мы вернулись въ факторію Иваницкаго и стали укладывать вещи, готовясь на другой день тронуться въ обратный путь.

Дорогу отъ Боярскаго до Джедана сдѣлали въ одинъ перегонъ, остановившись напиться чаю въ факторіи Леонова, который вызвался показать намъ стоящую недалеко отъ его владѣній каменную бабу.

Фигура оказалась совершенно подобною той, что мы видѣли раньше; только она была еще больше, могучѣе и врыта въ землю до колѣнъ, до которыхъ отъ пояса спускалась юбка.

Мы запоздали и пріѣхали на Джеданъ, когда было уже совсѣмъ темно. Жужелъ, отбившійся отъ насъ дорогой, рѣшилъ, что мы будемъ ночевать у Захара Ивановича, и долго тщетно поджидалъ насъ тамъ. Видя, что онъ не ѣдетъ, мы быстро кое-какъ сами поставили палатку и, побесѣдовавъ съ пришедшимъ къ намъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, улеглись спать.

Только тогда подъѣхалъ уставшій переводчикъ и разъяснилъ происшедшее недоразумѣніе.

Утромъ мужъ окликнулъ меня.

Я высунула носъ изъ-подъ закрывавшей меня бурки и вопросительно взглянула на него: его глаза удивленно смотрѣли на полъ. Взглянувъ туда же, я быстро сѣла на своей походной койкѣ: весь брезентовый полъ нашей палатки какъ-то странно поднялся и проступилъ мокрыми пятнами; тамъ, гдѣ онъ пристегивался къ полотну палатки, бѣжали внутрь ея веселые ручейки мутной воды; дождь барабанилъ сверху.

Мы принялись быстро, не ступая на полъ, одѣваться.

Какъ только мужъ отстегнулъ полы нашей палатки, цѣлый потокъ воды устремился внутрь ея, и мы начали взывать о помощи. Прибѣжалъ переводчикъ и, положивъ большую доску, далъ намъ возможность выбраться.

Палатку, очутившуюся среди громадной лужи дождевой воды, мы оставили стоять на мѣстѣ, а сами забрались въ горе-домъ Василія Ѳедоровича. Тамъ все было поставлено вверхъ дномъ: кровать, устроенная изъ ящиковъ отъ медикаментовъ, была выдвинута на середину, уголъ, занимаемый ею раньше, весь искрился отъ быстрыхъ ручейковъ стекавшей внизъ дождевой воды. Банки, склянки, аптечные вѣсы и т. п.-все это было поставлено въ уголъ безъ течи. Скудные достатки Василія Ѳедоровича, въ видѣ тощей корзины съ бѣльемъ, были покрыты какимъ-то хламомъ: хо-

зяинъ уныло ходилъ по этому Мамаеву побоищу и тщетно ждалъ паціентовъ.

Заказанныя ямщику лошади были благоразумно поданы имъ послѣ того, какъ дождь пересталъ и небо прояснилось.

Долго возились мы, усаживаясь въ узкій и неудобный коробокъ. Жужелъ ворчалъ, привязывая сзади мокрую палатку. Наконецъ мы распростились съ хозяиномъ и выѣхали со двора; горячившаяся пристяжная два раза оборвала постромки.

— Хорошій конекъ у тебя! замѣтилъ ямщику мужъ.

— Ай-ай-ай!неистово заоралъ вдругъ ѣхавшій позади Жужелъ.

Мы обернулись; въ тотъ же моментъ мужъ перекатился черезъ меня и очутился на землѣ, а накренившійся экипажъ всею тяжестью врѣзался осью въ мокрую дорогу, колесо соскочило и лежало тутъ же.

Подъѣхавшій переводчикъ принялся мастерить изъ поднятой имъ палки потерянную нами чеку, и мы скоро поѣхали дальше.

Далеко за полдень остановились мы у небольшого ручья и стали варить себѣ чай. Рѣзкій вѣтеръ, задувшій еще дорогой, непріятно пронизывалъ насквозь: вязаныя теплыя куртки и бурки поверхъ мало предохраняли отъ него, и всѣ мы, закусивъ, съ удовольствіемъ принялись за горячее питье.

Неподалеку стояла тѣсная юрта; всѣ обитатели ея мало-по-малу собрались около насъ.

Я кончила пить чай и, укрывшись, легла на траву: отъ непрерывной тряски нестерпимо болѣла спина.

Что-то двигалось и говорило вокругъ меня; я задремала.

Осторожно окликнутая мужемъ, я открыла глаза, около меня сидѣлъ полукругъ коричневыхъ полуголыхъ: съ совершенно обезьяньимъ выраженіемъ лицъ сойотокъ; обхвативъ колѣни руками и положивъ на нихъ голову, онѣ со жгучимъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, разсматривая и шопотомъ разбирая мой дорожный нарядъ. Онѣ были такъ забавны и такъ живо напомнили мнѣ маленькихъ мартышекъ, что я не могла сдержать смѣха. Напуганныя внезапностью его, онѣ отпрянули съ совершенно звѣриными ухватками и пустились бѣжать въ разныя стороны, все время оборачиваясь на напугавшаго ихъ, казавшагося имъ вѣроятно очень страшнымъ человѣка.

Сойоты вообще народъ трусливый. Военнаго дѣла они не знаютъ совершенно, а пораненія и убійства въ ихъ средѣ явленіе исключительное; даже во время изгнанія китайцевъ изъ ихъ страны не было по общимъ отзывамъ ни одного убійства.

Мужъ тѣмъ временемъ дѣлился нашимъ дорожнымъ запасомъ съ четырьмя тощими сойотскими собаками, разсѣвшимися вокругъ него.

Собакъ сойоты держатъ множество, но считаютъ также за правило никогда не кормить ихъ. Несчастныя, со впалыми боками и выступившими ребрами, какъ тѣни бродятъ онѣ вокругъ юртъ, выжидая возможности незамѣтно стянуть что-нибудь. Когда мы тронулись дальше, одинъ изголодавшійся сойотскій песъ, вѣроятно, тронутый лаской и человѣчнымъ къ

нему отношеніемъ, увязался за нами. Переводчикъ гналъ его, но, отпрянувъ въ сторону, онъ упорно преслѣдовалъ насъ. Добѣжавъ до поворота, за которымъ скрывалась юрта, онъ, колеблясь, остановился, въ раздумьѣ посмотрѣлъ по сторонамъ и, наконецъ,

Выбиваніе шерсти.

жалобно завылъ, прощаясь по своему съ негостепріимнымъ кровомъ.

Намъ было жаль это несчастное, еле живое, но все же имѣвшее чувство привязанности существо. Даже ямщикъ, повернувшись на вой собаки, сочувственно замѣтилъ:

— Сердешный!..

Поздно вечеромъ мы добрались до Джакуля: абсо-

лютная темнота не давала возможности оріентироваться; въѣхавъ въ поселокъ мы то и дѣло натыкались на какіе-то заборы и вязли колесами въ грязи.

Собаки поселка неистово лаяли и гнались за новымъ пришельцемъ, такъ и не отставшимъ отъ насъ; онъ огрызался боязливо, прижимаясь къ колесамъ и, окруженный врагами со всѣхъ сторонъ, жалобно повизгивалъ; наконецъ онъ гдѣ-то затерялся во тьмѣ. Мужъ нѣсколько разъ позвалъ его, велѣлъ остановить лошадей и пошелъ разыскивать.

Бѣдный песъ стоялъ, прижавшись къ какой-то постройкѣ, опустивъ хвостъ и, глядя на окружившихъ его собакъ, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Увидѣвъ мужа, онъ какъ испуганный ребенокъ, видящій во взросломъ свое спасеніе, бросился къ нему и, ластясь и припадая, какъ бы просилъ о помощи. Мужъ взялъ его на руки и притащилъ въ экипажъ.

Мы поѣхали дальше и выбрались наконецъ къ земской квартирѣ.

Собаку намъ не удалось вытащить на ночь изъ коробка; она охотно брала пищу, ласково виляла хвостомъ, но взять изъ экипажа себя не позволяла, упираясь всѣмъ тѣломъ и ногами, какъ только кто-нибудь хотѣлъ извлечь ее оттуда. Мы оставили ее тамъ на ночь, прося ямщика, который ѣхалъ на другой день обратно, отвезти ее Колесниковымъ, которымъ она могла быть очень полезна, такъ какъ оставаться темными ночами въ одиночествѣ въ сойотской тополевой рощѣ въ Бѣлоцарскѣ было не весело.

Злосчастный ямщикъ съ капризной лошадью повезъ насъ на другой день дальше.

Коренная за это время сильно похудѣла—ямщикъ морилъ ее работой и увѣрялъ, что характеръ ея исправился. Другихъ лошадей не было и—дѣлать нечего—пришлось садиться.

Собака боязливо слонялась по двору, затѣмъ, напуганная происходившей въ немъ возней, выскочила въ ворота и побѣжала въ степь.

Принялись ловить ее, но безрезультатно.

Тѣмъ временемъ ямщикъ, боясь, что несносная коренная снова закапризничаетъ, Христомъ Богомъ молилъ садиться.

Мы сѣли въ экипажъ, но, вѣрная своимъ привычкамъ, коренная понесла немедленно.

Мы летѣли черезъ пни и кочки, едва не цѣпляясь за встрѣчные заборы; коренникъ фыркалъ, моталъ головой и все надбавлялъ ходу. Только когда Джакуль остался далеко за нами, вся взмыленная лошадь стала умѣрять шагъ и скоро пошла крупной рысью.

Не буду описывать трехсуточнаго обратнаго пути; онъ полонъ былъ мелкихъ досадныхъ злоключенiй; Бѣлоцарска мы ждали какъ манны небесной, и когда тройка наша остановилась наконецъ у священной тополевой рощи, стояла черная ночь и не было видно ни зги; ощупью, спотыкаясь, вытащили изъ экипажа нашъ багажъ и велѣли переводчику ставить палатку.

Въ палаткѣ у Колесниковыхъ еще свѣтился огонекъ; они не спали и радостно привѣтствовали насъ.

Мы проболтали, несмотря на усталость, чуть не до разсвѣта; они интересовались нашей поѣздкой, раз-

Въ Саянской тайгѣ

спрашивали о всемъ видѣнномъ и слышанномъ и сообщили имѣющіяся у нихъ новости.

Вѣсть о томъ, что началась война, дошла до насъ еще въ Джакулѣ, но подробностей мы не знали рѣшительно никакихъ; Колесниковы подѣлились теперь съ нами дошедшими до нихъ запоздалыми извѣстіями.

Мы заторопились отъѣздомъ въ Петроградъ и принялись на другой день съ утра укладывать и упаковывать вещи.

Дѣло стало только за малымъ: не было плота. Шли слухи, что сверху идетъ подъ управленіемъ хорошаго лоцмана Брюханова плотъ, тяжело нагруженный пассажирами; но прошелъ день, второй клонился къ вечеру и только къ полдню третьяго многочисленные голоса и шумъ на берегу возвѣстили насъ объ его прибытіи.

Рябоватый, рослый, распорядительный Брюхановъ тотчасъ принялся за дѣло: перетащилъ съ Жужеломъ нашу палатку и уставилъ ее на плоту.

Простились съ Жужеломъ и подарили ему на прощанье огненнаго цвѣта халатъ.

Поздно вечеромъ вся милая урянхайская публика съ фонарями проводила насъ на плотъ и, распрощавшись, оставила устраиваться въ палаткѣ.

Отчалили мы рано утромъ, когда всѣ еще спали. Съ нами ѣхалъ извѣстный своими путешествіями по Китаю Григорій Ефимовичъ Грумъ-Гржимайло. Въ Булукѣ присоединилась гостья Черневича, Эмилія Петровна, съ сыномъ.

Вода стояла достаточно высокая, и плотъ шелъ

хорошимъ ходомъ, въ среднемъ по десяти верстъ въ часъ.

Путь до Джакуля занялъ двое сутокъ. Первая остановка ничего интереснаго не представляла, но вторая произошла прямо въ сказочно-волшебной обстановкѣ.

Плотъ причалилъ, не доѣзжая красивой Медвѣдь-горы, къ лѣвому слегка поднятому берегу Енисея, на которомъ подымался темный, совершенно отвѣсный утесъ. Расположившись у подножія его, мы напоминали ночныхъ гномовъ, хлопотавшихъ и возившахся около костра.

Громадное, давно поваленное и засохшее дерево служило намъ сидѣньемъ; вокругъ живописными группами расположилась ѣхавшая съ нами къ началу ученія въ Минусинскъ урянхайская молодежь. Составился хоръ, и окрестныя горы огласились пѣніемъ нѣсколькихъ молодыхъ, красиво въ ночномъ воздухѣ звенѣвшихъ голосовъ. Эхо вторило имъ...

На плоту копошились: часть пассажировъ устраивались на ночь; сновавшіе съ плота на берегъ гребцы пополняли запасъ дровъ, необходимыхъ для варки чая и кушаній въ пути, длящемся иногда болѣе недѣли. Огонь разводится на кучѣ камня и земли, спеціально для этой цѣли приготовляемыхъ.

На другой день, добравшись до Джакуля, простояли тамъ часа два, при чемъ ѣхавшія съ нами въ мужскихъ костюмахъ усинскія барышни взяли у сойотовъ лошадей и поскакали въ поселокъ искать арбузовъ и дынь.

Тѣмъ временемъ подошедшая толпа бабъ бойко

торговала хлѣбомъ, яйцами и огурцами. Мы пополнили свои запасы.

За Джакулемъ начинаются Саянскія горы, тѣсно съ двухъ сторонъ сжимающія красивый Енисей.

Могучія воды его, войдя въ узкое ущелье, бурлятъ и пѣнятся, неся плотъ съ удвоенной силой и мѣстами кидая его какъ щепку. Кое-гдѣ попадаются большіе подводные камни, темныя громады которыхъ выступаютъ на поверхность рѣки и усиленно заставляютъ работать лоцмана и гребцовъ, чтобы не налетѣть на нихъ.

Волны въ такихъ мѣстахъ были настолько сильны что заливали весь полъ нашей палатки; мы быстро, подтрунивая другъ надъ другомъ, перекладывали вещи на болѣе защищенныя мѣста.

Дѣлать на плоту было рѣшительно нечего, и публика всячески старалась убить время, читая, играя въ карты, слушая разсказы лоцмана и угощаясь безъ мѣры; уничтожили всѣ имѣвшіеся у насъ мясные запасы и приступили къ консервамъ и макаронамъ. Палившая жара не давала возможности хранить имѣвшееся у насъ и столь необходимое въ пути масло. Мы долго перекладывали его съ мѣста на мѣсто, пока не догадались укрѣпить между бревнами плота такъ, что оно все время плыло за нами, купаясь въ холодныхъ струяхъ Енисея.

Григорій Ефимовичъ подтрунивалъ надъ нашимъ незамысловатымъ ледникомъ, но охотно пилъ охлаждавшееся тамъ, спущенное на веревочкахъ пиво, бутылки котораго во время хода плота тихо позванивали.

Ясная погода стала понемногу хмуриться, и скоро заморосилъ мелкій осенній дождь.

Бѣдная публика, тѣснившаяся въ повалку на балаганѣ, принялась укрываться съ головой брезентами, но ихъ было недостаточно; вещи и багажъ мокли.

Наша палатка напоминала бочку съ сельдями: столько приняла она подъ свой кровъ спасавшихся отъ дождя.

Мокрые, озябшіе, усталые мы причалили вечеромъ къ просторному, раскинувшемуся на берегу зимовью.

Вся публика устремилась въ него въ надеждѣ провести ночь въ теплѣ и подъ кровомъ.

Двѣ небольшія комнатушки набились вплотную: мы рѣшили ночевать въ палаткѣ.

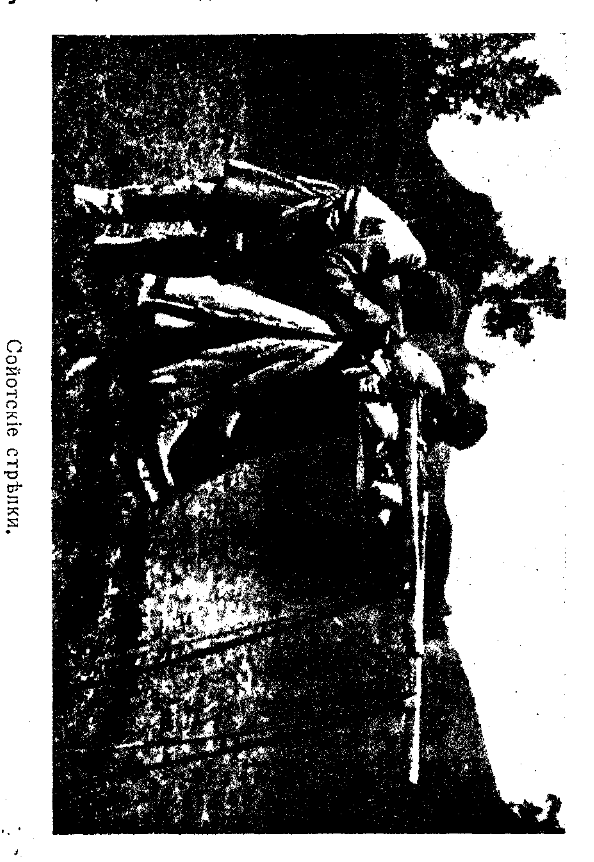
Рано утромъ раздраженные и охрипшіе спросонокъ голоса не дали и намъ спать: ворчалъ Григорій Ефимовичъ, отъ головной боли охала Эмилія Петровна и громко бранились всѣ остальные.

Причина выяснилась тотчасъ, какъ мы только открыли палатку. Привѣтливое, теплое зимовье оказалось настоящимъ клоповникомъ: отощавшіе за лѣто паразиты съ остервенѣніемъ накинулись на неожиданно явившихся жертвъ и ни минуты не дали имъ покоя.

Четвертую ночь всѣ провели подъ открытымъ небомъ; дождь пересталъ и яркія звѣзды зажглись мѣстами на все еще кое-гдѣ покрытомъ тучами небѣ.

Лоцманъ выбралъ тихій заливъ, образуемый крутымъ поворотомъ рѣки. Небольшая, довольно узкая песчаная отмель постепенно переходила въ довольно

крутую гору, на которую тотчасъ полѣзла никогда не устающая молодежь.

Сойотскіе стрѣлки.

На пятыя сутки предстояло переходить черезъ самый большой и опасный порогъ. Плоты черезъ него идутъ только съ бывалымъ лоцманомъ, и тѣмъ не менѣе несчастные случаи все же бываютъ.

Приведу наименѣе плачевный изъ нихъ.

Шелъ тяжело груженый товаромъ плотъ и велъ его много ѣздившій по Енисею, но никогда не проходившій еще пороговъ лоцманъ.

Все шло благополучно, пока пловцы не добрались до Большого порога; не успѣли они во время вытащить гребли (на порогахъ ихъ убираютъ совсѣмъ), вода вырвала ихъ, затащила плотъ въ боковую струю и направила его на громадный камень. Плотъ ударился въ него носомъ, сталъ на дыбы, потопилъ всѣ товары, а ѣхавшіе на немъ мужики едва спаслись, выскочивъ на злосчастную скалу.

Тамъ они тщетно три дня безъ пищи ждали случайнаго плота, могущаго снять и доставить ихъ на берегъ; на четвертый они выловили прибитое къ камню бревно, жалкій остатокъ чьего-то плота, съ невѣроятнымъ трудомъ перепилили его имѣвшимся у кого-то изъ нихъ ножомъ и сдѣлали маленькій саликъ (плотъ), связавъ куски бревна снятой съ себя и изорванной одеждой.

Медленно и осторожно, по одному, переправилъ ихъ лучшій гребецъ на берегъ и они очутились у подножія высокой, густой тайгой поросшей скалы. Стали припоминать направленіе ведшей въ ихъ поселокъ таежной дороги и пошли по ней.

Девять дней шли безпрерывно, питаясь кореньями и попадавшимися имъ на пути плодами; на десятый одинъ упалъ, изнемогая, и просилъ оставить умереть спокойно. Мужики засыпали его листьями, помолились тутъ же за упокой его души и продолжали путь: че-

резъ какой-нибудь часъ ходьбы, они вышли на давно жданную тропу.

Тѣмъ временемъ ѣхалъ крестьянинъ и, издали завидя кучку исхудалыхъ, обросшихъ волосами и почти совершенно голыхъ людей, принялъ ихъ за бѣжавшихъ каторжниковъ, повернулъ лошадь и поскакалъ обратно. Съ отчаяніемъ въ душѣ бросились за нимъ мужики, крича и моля его вернуться. Спасло ихъ только то, что мужикъ былъ знакомый и они окликнули его по имени.

Съ трудомъ онъ узналъ своихъ односельчанъ, вынулъ краюху хлѣба и одѣлилъ всѣхъ понемногу, зная, какъ быстро умираютъ тѣ, кто послѣ долгой голодовки наѣдается до сыта.

Закусивъ, мужики собрались итти за оставленнымъ товарищемъ, но онъ уже шелъ имъ навстрѣчу: полежалъ, отдохнулъ, и рѣшилъ выбираться изъ тайги.

Только необычайной находчивости, предпріимчивости и упорству обязаны были мужики своимъ спасеніемъ; попади кто-либо изъ горожанъ въ такое положеніе,—вѣрная гибель ждала бы его!

Начавшійся утромъ проливной дождь постепенно перешелъ въ мелкій, какъ изъ сита, моросившій дождь, сильно мѣшавшій любоваться становившимися все болѣе крутыми и высокими горами.

Дикая, мѣстами выгорѣвшая и потому совершенно мертвая тайга чередовалась съ горами, покрытыми яркою зеленью. Могучія деревья лѣпились на отвѣсныхъ кручахъ; въ ущельяхъ шумѣли покрытые бѣлой пѣной потоки, несшіеся къ Енисею.

Енисей близъ пороговъ.

Плотъ нашъ подошелъ къ Большому порогу задолго до вечера.

Брюхановъ уже давно продѣлалъ репетицію съ гребцами, заставивъ ихъ нѣсколько разъ вытаскивать гребли на балаганъ, затѣмъ попросилъ всю публику собраться туда же, велѣлъ убрать нашу палатку и связать лошадей.

Пассажиры волновались, нѣкоторыя женщины плакали, другія, какъ страусъ, прячущій голову при видѣ опасности, укутывались платками. Мы стояли на балаганѣ и съ интересомъ наблюдали за происходившимъ.

Уже издали заслышался ревъ и глухой гулъ воды; плотъ подхватило теченіемъ и помчало со скоростью восемнадцати верстъ въ часъ.

Порогъ сталъ намъ замѣтенъ лишь когда мы подошли вплотную къ нему. Очутившись въ главной „струѣ“, плотъ глубоко зарылся носомъ и неуправляемый никѣмъ, съ невѣроятной силой помчался прямо на береговую скалу; на сердцѣ похолодѣло...

Припоминая это страшное мгновеніе, невольно поражаешься той массѣ впечатлѣній, которыя человѣкъ успѣваетъ схватить въ какія-нибудь двѣ-три минуты!

Надъ водою шелъ только балаганъ; всю остальную часть плота захлестнули разъяренныя волны аршина въ два высотою.

Казалось, что плотъ разлетится сейчасъ въ щепы: онъ несся въ упоръ на скалу и вдругъ проскользнулъ мимо нея; волны уменьшились и постепенно стали показываться носъ и корма плота.

Вся публика облегченно вздохнула; гребцы немедленно бросились къ греблямъ и заработали, не покла-

дая рукъ; лоцманъ, стоя на балаганѣ, внимательно вглядывался въ бурную поверхность рѣки. Енисей шутокъ не любитъ и жестоко мститъ всѣмъ, кто хоть на минуту перестаетъ достаточно внимательно относиться къ нему!

Жуткое впечатлѣніе производитъ часовня, выстроенная у порога: такъ и кажется, что возвышается она въ память кого-либо оставшагося въ глубокихъ водахъ Енисея. Однако, намъ разсказали какъ разъ обратное.

Ѣхалъ какой-то подгулявшій купецъ на плоту и не захотѣлъ послушаться совѣта лоцмана, просившаго всѣхъ пассажировъ взобраться при прохожденіи пороговъ на балаганъ. Онъ сталъ издѣваться надъ лоцманомъ, укорялъ его въ трусости и говорилъ, что переплыветъ порогъ, не входя наверхъ.

Помѣшать его затѣѣ было нельзя и купецъ остался стоять на носу. Плотъ разомъ захлестнуло волной и отъ купца не осталось и слѣда: его смыло въ мгновеніе ока.

Въ кипящей пѣнѣ и волнахъ ничего не было видно, и только раздавшійся черезъ нѣкоторое время съ берега громкій крикъ возвѣстилъ всѣмъ, что считавшійся погибшимъ живъ и проситъ причалить къ берегу и обождать его.

Когда приняли его на плотъ, онъ сталъ креститься, благодаря Бога за свое чудесное спасеніе, и разсказалъ, что когда вода смыла его, онъ окунулся нѣсколько разъ съ головою, и его понесло внизъ по теченію, кидая и ударяя о камни, пока не выкинуло на отмель. Онъ кое-какъ выбрался на берегъ, сталъ кри-

чать о помощи и тутъ же далъ обѣтъ выстроить въ память свершившагося чуда часовню на берегу.

Еще три дня—и долгое путешествіе наше почти закончилось: мы были въ Минусинскѣ.

Говорить ли о томъ, какъ странно и пріятно было очутиться опять подъ настоящею крышею и пользоваться всѣми удобствами цивилизованной жизни?

Нѣтъ, это удовольствіе можетъ понять только тотъ, кто, какъ мы, нѣсколько мѣсяцевъ блуждалъ по пустынямъ и дебрямъ лѣсовъ и горъ!

Оглядываюсь на пережитое и только и могу сказать: какъ хорошъ Божій міръ!

К. Д. Минцлова
